

АЛЕКСАНДР КОНТОРОВИЧ

представляет

Триумф «попаданцев»

*В ВИХРЕ
ВРЕМЁН*

Стать Бонапартом!

Александр РОМАНОВ

Десант «попаданцев»

Александр Романов

**Триумф «попаданцев».
Стать Бонапартом!**

«Яуза»

2013

Романов А. Ю.

Триумф «попаданцев». Стать Бонапартом! / А. Ю. Романов — «Яуза», 2013 — (Десант «попаданцев»)

АЛЕКСАНДР КОНТОРОВИЧ представляет долгожданное продолжение своей военно-фантастической эпопеи! **НОВЫЙ** роман о ДЕСАНТЕ «ПОПАДАНЦЕВ», захвативших плацдарм в далеком прошлом, чтобы изменить ход истории! Кто из гениев XIX века может стать главным союзником «прогрессоров» из будущего? Кого им следует завербовать в первую очередь? На кого сделать ставку в европейской войне? Кому по силам разгромить проклятую Британскую империю? Лишь Наполеону Бонапарту! Вот только разведгруппа из будущего, отправленная в революционный Париж для контакта с великим корсиканцем, неожиданно выясняет, что их опередили, и телесная оболочка Наполеона уже захвачена другим «попаданцем», который начал собственную игру...

© Романов А. Ю., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Пролог	7
«Серая папка»	9
Часть первая	13
Глава первая	14
Глава вторая	18
Глава третья	21
Глава четвертая	26
Часть вторая	42
Глава первая	43
Глава вторая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Александр Юрьевич Романов Триумф «попаданцев». Статья Бонапартом!

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ КЛЮЕВА ПОСВЯЩАЕТСЯ

Как сказал классик, надо брать музыку у народа, и только обрабатывать ее. Так я и делаю. Поэтому, когда сегодня берешь у композитора – это, собственно говоря, берешь у народа, берешь у народа – берешь у себя, и главное, чтобы музыка была твоя, и кто говорит «плагиат», я говорю «традиция». «Пиф-паф ой-ой-ой!»

Уважаемые читатели!

Как было обещано в шестой книге, расставание с героями мира «Десанта попаданцев» оказалось коротким. Вы снова встречаетесь с нашим современником, оказавшимся в теле Наполеона Бонапарта, на тот момент всего лишь опального артиллерийского генерала.

С момента выхода первой книги, когда коллектив только набирался опыта совместного творчества, притирался друг к другу, прошло достаточно месяцев и даже лет. Теперь мы знаем, что можем работать сообща. Настал срок каждому из участников проявить индивидуальное мастерство, показать, чему мы научились за время «мозговых штурмов» и кропотливого поиска «заклепок». Пусть вас не удивляет, что седьмая книга во многом повторяет эпизоды из ранее вышедших книг. Автор, известный многим читателям как создатель цикла «Человек с мешком», внес изменения в новую версию, не считая того, что добавил эпизоды, ранее отсутствовавшие, рассказывающие о событиях, остававшихся «за кадром» повествования.

Не хотелось бы давать опрометчивых обещаний, но по большому секрету можно намекнуть, что в процессе написания еще несколько книг проекта «Десант попаданцев». Надеемся, что некоторые из них вы сможете прочитать уже в этом году.

Как и прежде, более подробно о работе над очередными книгами можно узнать на форуме В Вихре Времени по адресу:

<http://forum.amahrov.ru/>, в разделе: «Десант попаданцев» – материалы к проекту».

Автор благодарит весь творческий коллектив проекта «1790: Десант попаданцев»

А особенно:

Конторовича Александра Сергеевича aka Дядя Саша

Ершова Александра Александровича aka Zybrilka

Акимов Сергея Викторовича aka Cobra

Гурбанова Кямиля Валихад оглы aka Shono

Владимира Коваленко aka ВЭК

Коршунова Евгения aka Dingo

Кулькина Александра Юрьевича aka Старый Империалист

Логинова Анатолия Анатольевича

Мысловского Константина Валерьевича aka Котозавр

Мысловскую Наталью Николаевну aka Улыбка Енота

Чердаклиеву Ирину Николаевну aka Cherdak13

«...Мой штаб полка в открытых сенцах —
мне не в привычку рисковать.
Но кто-то мне вонзает в сердце клинок тупой

по рукоять.
И телом падая на карту, рукой дрожащей
сбив свечу, —
«Остерегайтесь Буонопарта!» – республиканцам
я шепчу...»

Владимир Бережков

Пролог

Май 1791 года

Калифорния. Побережье бухты Бодега

Волны с шелестом набегали на полоску пляжа.

Ветер лениво шевелил знамя над крышами форта.

На выходе из бухты, сопровождаемая любопытными чайками, неспешно удалялась в море только под нижними парусами «Нуэстра Сеньора дела Кроче» – по местным меркам весьма немаленький корабль.

Немногочисленные провожающие, утомившись смотреть на это черепашее отплытие, вразной степени принялись подниматься по береговому откосу. У всех хватало еще дел на сегодня. Среди идущих ничем особо не выделялись двое мужчин, державшихся слегка особняком. Одетые в несколько необычную для местных жителей одежду, но во вполне привычные широкополые шляпы, – без которых в здешнем климате никуда, они споро преодолели склон и, остановившись, обернулись, чтобы еще раз посмотреть на уплывающий корабль. Как раз в этот момент принявшийся распускать все свои паруса.

– Ну вот, – сказал один. – Операция «Золото партии инков» началась! Мы уже не такие беспомощные, как год назад... Пора подумать и о европейских делах, не находишь? Время идет, и его у нас впереди не вагон, а, скорее, маленькая тележка...

– Ты все о своем? – отозвался второй, провожая глазами романтический парусник.

– А куда деваться? – ответил первый. – Если мы объектом работы выбираем Испанию, а целями воздействия Россию, Англию и Штаты, то Франция оказывается аккурат в самом центре наших интересов – без нее никак! К тому же – революция там. Которая перевернет всю Европу. Зачем отпускать на самотек такое дело? Безобразие, сам ведь знаешь, – надо либо прекратить, либо возглавить.

– Ну выделим мы это в отдельное производство... А кто заниматься будет? У нас же людей – едва ль не минусовое количество! И так все с утра до вечера без выходных пашут «за себя и за того парня»! Да еще два полка для испанцев готовить надо! На Кубу вот послали, еще в Англию надо обязательно и кого-то в Филадельфию отправить придется – а на Россию уже взять неоткель! А что сейчас во Франции творится – благодаря этой самой революции – ты забыл? Кто в том бардаке разбираться труд на себя возьмет? Да еще никому неведомого лейтенанта искать – где он там сейчас обретается? Ты не помнишь часом?

– Да то ли в полку, то ли вообще в отпуске дома... Толком неизвестно. И ясное дело, мы сейчас до Франции никак дотянуться не можем – но нам ведь и не это нужно!..

– Так, а что ж ты тогда предлагаешь?

– Пока что – воспользоваться помощью нашего друга падре. Пусть просто наведет справки. При теперешних скоростях – как раз через пару лет информация и соберется. А через пару лет у нас какой год будет? Девяносто третий! Смекаешь?

– Ну и что нам это дает?

– Практически ничего. Кроме возможности подойти к нему со знанием местной ситуации, а не свалиться с неба с криком «Здорово, чувак!»

– То-то он обалдеет, я думаю... Ну а заниматься-то всем этим кто станет? Тоже коллеги падре? Не больно жирно будет им такого караса отдать?

– К тому времени хоть одна из групп – на Кубе, в Англии ли или в Америке – обязательно освободится. Так что будет кого послать. А сейчас-то ведь вообще почти ничего не требуется! Только папку завести персональную – куда складывать листки с донесениями! И все! Есть-пить эта папка не попросит. А когда время придет – то очень даже пригодится! И сам прекрасно понимаешь – нельзя такого калибра фигуру без контроля оставлять: нам же дороже выйдет...

– Ну так что ты с меня добиваешься-то? Папку завести ты ведь и сам способен?

– Папку-то – да. И даже материалы в нее складывать – невелик труд! А вот чтобы не забыть потом в дело эту папку пустить – когда время придет – тут уж твое участие требуется! Одному мне не справиться.

– Ну ладно. Считай – уболтал, черт языкастый!.. С прицелом на будущее и без отвлечения людей от других дел – собирай досье. Может, и в самом деле пригодится, чем черт не шутит... А назовем всю эту операцию... «Б!»!

– Чтоб никто не догадался?

– Да. Чтоб никто не догадался, что речь идет о Наполеоне Бонапарте...

«Серая папка»

Май 1791 года. Форт ВВВ

Из дневника Сергея Акимова

Слава богу – картон здесь уже есть! Иначе из чего бы аборигены обложки для своих книг делали? Да здравствует Иоганн Гутенберг, изобретший книгопечатание! Не знаю, как бы нам пришлось выкручиваться. А так – вот она, Настоящая Канцелярская Папка! С завязочками. Правда, цвет картона не особо радует – серый, невзрачный... И титул не отпечатан... Но мы без претензий – и так обойдемся! Главное, чтоб было куда складывать. И – чтоб было что складывать.

Вот с последним пока... не очень обильно. Информация из Европы придет, хорошо, если через год. Хотя Падре честно отправил наши запросы своим «друзьям». Остается только ждать.

А в процессе ожидания занесем в папку то, что есть. Ну и – оформлением дела, само собой, займемся... Итак...

Ну, для начала сама папка... Берем ручку... тьфу! Перо и чернильницу – гусиное перо, местное и местную же бронзовую чернильницу, а куда деваться, пока Динго не выдал нам ничего более современного? – и приступаем к письменным упражнениям... Высунув от усердия язык, старательно вывожу по рыхлому картону: «Дело № 007» (Фигурант у нас далеко не единственный. А номер... Ну кому еще среди наших клиентов такой подойдет? Не Павлу же Первому...) Коряво получается... Эх, писаря бы!.. Да где его возьмешь? Секретное дело-производство случайных людей не любит. Приходится самому... Вот как раз о секретности... Добавляю: «Секретно. Степень 7». Далее: «Экземпляров 1». Еще: «Экземпляр № 1». Теперь собственно название – придуманный нами с ДС шЫдевр: «Операция «Ы». Дата начала – сегодняшняя. Дата окончания – пока никакой. Оцениваю ссмотрю на плоды своего труда. Н-да... Ну, для человека, едва научившегося писать местным способом, не так уж плохо... Отложим теперь в сторону – пусть чернила просохнут. А сами приступим к составлению первого документа. Биографическая справка...

Наполеон Бонапарт

Если верить Тарле (а не верить ему в этом вопросе у нас нет никаких оснований...), даты жизни 15 августа 1769 (Аяччо, Корсика) – 5 мая 1821 (Лонгвуд, остров Святой Елены). Ну – так и запишем...

Происхождение – из дворян.

Отец – Карло Бонапарте, адвокат в Аяччо («Папа – юрист», да, громко было сказано...), к настоящему моменту уже умер (февраль 1785. От той же болезни, отметим, что и сам Наполеон впоследствии: рак желудка. Дает ли это нам что-нибудь? Пока не ясно...). О дате рождения Тарле отчего-то умалчивает. Но ничего – уточним по получении данных. Пока оставим пустое место... Характер – если верить опять же Тарле – мягкий, добрый, но слабый, однако, в общем, неплохой семьянин. Интересы для разработки по причине смерти не представляет. Но могут представлять интерес его прижизненные связи – дружеские и семейные. Взять на заметку.

Мать – Летиция. Тоже, как ни странно, – Бонапарте. Даты жизни вообще неизвестны. Как и девичья фамилия (по каковой причине установить происхождение не представляется возможным до получения дополнительной информации). В настоящий момент должна быть жива. А путем перекрестного опроса (имеющие допуск знают, о чем речь) установлено, что

никому не попадались упоминания о ее смерти, а некоторые даже видели ее в фильмах на более позднюю тематику. Так что с максимальной вероятностью жить ей предстоит еще долго. Данный факт обязательно следует иметь в виду. Характер – по тому же Тарле – твердый, решительный, трудолюбивый. Истинная глава семьи Бонапарте. Воспитание детей было целиком в ее руках. Надлежит принять к разработке как лицо, ближайшее к фигуранту (вопрос о конкретных мерах пока не рассматриваем – по причине отсутствия реальных возможностей).

Родственники.

Братья и сестры (да, тоже громко звучит...).

К сожалению, точное количество и состав выявить не удалось. Информация Тарле несвязная. Путем перекрестного опроса (см. список имеющих допуск) установлено примерно следующее...

Старший брат Жозеф (в некоторых вариантах Иосиф, Джузеппе, Хосе и даже дон Пепе Бутылка – где он всех этих прозвищ нахватал? Но последние, судя по всему, появились уже позже...). Насколько старше – неизвестно. Впоследствии был королем Неаполитанским и Испанским (в какое время – не установлено). Характер – мягкий. Будет женат, но на ком – неизвестно (пока). По Тарле: лишен способностей, ленив.

Младшие братья.

Удалось вспомнить троих. Причем один – самый младший – последний ребенок в семье. Сейчас ему совсем мало лет – даже и десяти нет вроде бы. Имя – Жером. Был королем Вестфалии. И отзывы о нем (см. список имеющих допуск) не самые хорошие (было даже предложение утопить...).

Из двух других, к сожалению, не удалось даже точно определить имена. Не то Людовик и Луи, не то Лючанцо и Люсьен (мнения разделились). Один был королем Голландии (но который?). Второй – непонятно (но в одно время вроде министром внутренних дел, при Наполеоне, разумеется).

Имеет смысл подождать получения дополнительной информации.

Сестры.

Удалось установить двух (но это неокончательно).

Полину и Каролину. А подробней – что Полина, кажется, была любимой сестрой Наполеона, а Каролина – женой Иоахима Мюрата. Сейчас же им обоим еще совсем мало лет, и ни в каких самостоятельных действиях они не замечены.

Тоже имеет смысл подождать дополнительных сведений.

Большая, в общем, у Бонапартов семья была...

Теперь о самом фигуранте...

Как ни странно – но о нем информации немногим больше, чем об остальных.

Ничего удивительного. Все биографы в массе своей сосредоточены уже на послетулонском периоде жизни генерала Бонапарта и на живописании его военных и политических (ну еще любовных) побед. А вот что он представляет из себя сейчас, то есть в основе своей, без императорской короны на голове и без генеральских эполет (то есть что он за личность, как к нему подходить?), толковую информацию взять неоткуда.

Разве что довериться пока (до прихода почты на будущий год, проклятая допромышленная эпоха!!!) все тому же Тарле.

«Характер у Наполеона с раннего детства оказался нетерпеливым и беспокойным. «Ничто мне не импонировало, – вспоминал он впоследствии, – я был склонен к ссорам и дракам, я никого не боялся. Одного я бил, другого царапал, и все меня боялись. Больше всего приходилось от меня терпеть моему брату Жозефу. Я его бил и кусал. И его же за это бранили, так как бывало еще до того, как он придет в себя от страха, я уже нажалуюсь матери. Мое коварство приносило мне пользу, так как иначе мама Летиция наказала бы меня за мою драчливость, она никогда не потерпела бы моих нападений!»

«Обстановка этого уединенного от всего света острова, с его довольно диким населением в горах и лесных чащах, с нескончаемыми межклановыми столкновениями, с родовой кровной местью, с тщательно скрываемой, но упорной враждой к пришельцам-французам, сильно отразилась на юных впечатлениях маленького Наполеона».

То же самое продолжалось, похоже, и в Бриеннской военной школе:

«В Бриеннском военном училище Наполеон оставался угрюмым, замкнутым мальчиком; он быстро и надолго раздражался, не искал ни с кем сближения, смотрел на всех без почтения, без приязни и без сочувствия, очень в себе уверенный, несмотря на свой малый рост и малый возраст. Его пробовали обижать, дразнить, придирались к его корсиканскому выговору. Но несколько драк, яростно и не без успеха (хотя и не без повреждений) проведенных маленьким Бонапартом, убедили товарищей в небезопасности подобных столкновений».

Да... «С рождения Бобби пай-мальчиком был!.. Хороший мальчик!»

И да: «Имел Бобби хобби!..» Но не деньги.

И невоенное дело (хотя и это тоже, но у Тарле лично меня заставило обратить внимание другое).

Любовь к чтению. Во всяком случае постоянно проходит та мысль, что всеми своими знаниями Бонапарт обязан тому, что много (даже очень много) читал. И в Бриеннской школе, и потом в Парижской, и после – уже в полку. Учился самостоятельно. А без любви к книге, к печатному тексту, такое невозможно. Стоит взять на заметку.

Причем все прочитанное он помнил наизусть. Например, как пишет Тарле, будучи посажен как-то на гауптвахту, нашел там случайно завалившийся сборник по римскому праву и прочел. А через пятнадцать лет мог цитировать текст дословно. Спрашивается: где артиллерия и где римское право? Так что учитывать надо и такое...

Вот такое вот сочетание: дикий корсиканец и запойная любовь к чтению. Похоже, эта любовь его и сгубила... Так что и взаправду: «Хороший мальчик...»

Что еще обращает на себя внимание?

В шестнадцать лет – после смерти отца – взял на себя ответственность за всю семью: выпустился из Парижской военной школы досрочно и пошел служить в полк. Отправляя домой практически все офицерское жалованье, так что даже неизвестно, на что жил сам. Во всяком случае, из-за отсутствия средств он совершенно был лишен возможности появляться в обществе. Но читать не перестал!

А с 1786 по 1788, испросив себе длительный отпуск (представьте только, что для офицера значит двухлетний перерыв в карьере – и наверняка без сохранения содержания!), отправился на Корсику. Где якобы – все вопросы к Тарле! – сумел привести в рентабельное состояние поместье своей семьи. Как он это сделал, Тарле не пишет. Но – берем на заметку.

В 1788-м вернулся в полк, переведенный в город Оксон. Где эта дыра? Даже падре не знает! Продолжил вести все тот же образ жизни: отсылать все деньги семье и читать (замкнутый, угрюмый мальчик...). Написал трактат по баллистике «О метании бомб» – похоже, это была его первая серьезная научная работа... Правда, кроме названия о ней больше ничего не известно...

В 1789-м написал очерк истории Корсики и даже послал его на отзыв известному историку Рэйналю (и тот даже похвалил). Так что неизвестно, что бы с ним дальше случилось, но тут приключилась, наконец, Великая французская революция. И Наполеон... уехал на Корсику, отпросившись в отпуск. Через два месяца после штурма Бастилии (в котором он, естественно, не участвовал, во всяком случае, Тарле ничего такого не пишет) Тарле предположил, будто Бонапарт считает, что на провинциальной Корсике ему будет легче выдвинуться в качестве революционера...

Трудно сказать – так ли это. Поскольку через несколько месяцев, не сумев сработаться с вождем местных повстанцев Паоли (смотри отдельный список), он возвращается обратно в

полк. Заодно забрав с собой брата Людовика (по Тарле. Кого же именно, как я уже отметил, нам установить пока не удалось). Точных дат у Тарле не приведено, но по срокам получается, что это было где-то в начале прошлого – 1790 года. В настоящий момент живет впроголодь (как у Тарле написано: «Иногда приходится обедать одним куском хлеба»). Но усиленно работает по службе и много читает, налегая на военную историю. Железный парень, надо отметить.

В сентябре нынешнего текущего года (то есть через три месяца) он должен будет опять вернуться на Корсику переводом по службе. После чего опять оттуда уезжает обратно во Францию, где ему приходится, по словам Тарле, «оправдаться в своем несколько сомнительном поведении на Корсике». К сожалению, Тарле не пишет – ЧТО ЖЕ ИМЕННО сомнительного там происходило. Кроме размолвки с Паоли, в процессе которой дошло до стрельбы... Увы: боюсь, обстоятельства этого дела мы узнаем разве что через пару лет – пока до нас дойдут вести через океан и американский материк... А строить предположения на столь общих описаниях, как у Тарле, было бы глупостью. Так что книгу Тарле, конечно, очень интересно почитать дальше всем заинтересованным – про то, что будет... Но для нас сейчас ценность всей этой информации из будущего равняется нулю, поскольку ничего не прибавляет к портрету молодого лейтенанта французского провинциального гарнизона. А хуже того – не может нам показать, каким путем он превратился в генерала Бонапарта, взявшего Тулон? Поэтому лучше всего, полагаю, в этой ситуации будет остановиться. Для открытия дела первичных биографических данных достаточно (хотя на листке больше пропусков и вопросов, чем действительной информации).

И главное не это...

Главное – папочка на фигуранта заведена.

Часть первая

Претендент на престол

Стоял апрель, а может, март... ©

Глава первая Узник замка Каре

*«Накормить мы тебя накормим – ясное дело! Но ты скажи, за
какие политические убеждения тебя расстреливать?!»*

Сержант Радуб из батальона «Красный Колтак»

1

– А-а-а!

Тресь! Бренцы! Искры из глаз!

Фра дьяболо!..

О-е!..

Слезы в два ручья. Ничего себе приложился... Голова-то хоть цела? Цела вроде... Блин!

Почему я ничего не вижу?

Свеча погасла. Дрянь тут свечи...

Какая свеча?

Обыкновенная. Которая на столе горела. На такой вот случай...

На какой на такой?.. Ой, башка-то как болит... Обо что это я треснулся-то?

Об стол. И надо скорей свет зажечь. Иначе нехорошо выйдет...

Чего нехорошо? А, елки-палки – понял! Где тут свет включается? А то ведь до унитаза не добегу – опять во что-нибудь лбом въеду!..

Какой еще унитаз? Где кремень и огниво? Где подсвечник?

Чего?? Какой кремень, какое огниво? Что у меня с головой – кругом все идет... Неужто сотрясение заработал? И что это за голос у меня в башке с какими-то странными свечами («господа гусары – молчать!»)? Блин – отлить надо срочно!

Да, нужду надо справить как можно быстрее! Огниво ищи! А то ведь ночную вазу не увидишь!

Да ишу уже... Где выключатель?.. Раскомандовался! Кто ты вообще такой?!

Кто? А ты на чьем лбу шишку трогаешь?

На своем – на чьем же еще?

Ну вот это я и есть.

Шишка, что ли? Еще того интересней... А звать-то тебя как?

Да не меня – а тебя! Неужели удар был так силен?

Да, неслабо шандархнулся. Раз внутренний голос проклянулся...

Никакой я не голос. А всего лишь твоя собственная память. А зовут тебя, если уж ты забыл, – Наполеоне Буонапарте...

Чего?!

Ну-ка, еще раз: КТО Я? НА-ПО-ЛЕ-ОН?!

Ну да. По-французски – Наполеон Бонапарт. Бригадный генерал. Начальник артиллерии в итальянской армии генерала Дюмербиона...

КТО-О-О???

Е-е-е!... Бу-га-га!

Ой, блин, – как голова болит...

Но все равно – не могу: держите меня сто семьдесят пять человек! Не то уржусь!

И что здесь смешного?..

Да, я – Наполеон!!!! Ы-ы-ы!.. К психиатру – однозначно! Уж по-всякому мог бы тронуться, но чтоб ТАК?!

Да? И кто же тогда ты такой?

Кто я такой?! Ну, знаешь!..

Упс...

Черт...

Что за фигня?

Совершенно не помню – кто я.

Ну – абсолютно.

То есть – не то чтобы совсем не помню... Какие-то обрывки в голове есть. Помню, что я из двадцать первого века. Но вот имени своего вспомнить не могу. Помню, что язык, на котором разговариваю, – русский. Помню улицы города, где жил. Но название его тоже не помню. Помню другие города, где бывал: Находка, Иркутск, Симферополь, Москва... Помню людей, с которыми был знаком. Имен – не помню. В общем – совсем как в «Джентльменах удачи»: тут помню, а тут – не помню...

А вот Наполеон – помнит...

Это что же получается? Это не он – мой глюк, а я – его?

Глюк? Композитор? А он тут при чем?

Какой композитор?! А, да... «Историки до сих пор спорят – существовал ли на самом деле композитор Глюк – или он только померещился своим современникам!...» А он что – уже был?

Был. Умер. Несколько лет назад.

А Моцарт?

Тоже умер. Совсем недавно.

Черт, что у вас творится?! Кого ни возьми – тот уже и умер!

Не знаю, отчего тебя так интересуют композиторы. Но если ты сейчас не зажжешь свет и не найдешь горшок – то точно обмочишься!

Епрст! Совсем забыл! Блин! Где эта долбаная свеча?!

А, вот она... Огниво... Кресало... Быстрей, блин! Черт – по пальцам попал! Так, затлело! Раздуваем... Поджигаем фитиль...

Елки-палки – где я?!

2

Найдя горшок и справив нужду – едва разобрался со штанами, черт бы их побрал! – засунул «ночную вазу» (ага...) под кровать. Взялся за гудящую голову и еще раз огляделся. Уже более тщательно.

Замок Иф, блин...

Каменный каземат с махоньким зарешеченным окошком под потолком. Сейчас темным – ночь. Кондовая деревянная кровать из толстенных плах – или топчан? Еще имеется такой же кондовый стол со стоящей на нем потухшей свечой в подстаканнике... в смысле в подсвечнике. И кувшином с водой. И не менее кондовый стул. На кровати лежит шинель – я ее вместо одеяла использовал. На стене – на гвозде – висит треуголка. Все. Ну, еще горшок под кроватью, ага...

ГДЕ Я?!

В тюремной камере форта Каре.

ЧЕГО-О?! Что я здесь делаю?!

Посажен за связь с Огюстеном Робеспьером...

Э?.. Он же Максимилиан. Я точно помню!

Младший Робеспьер – брат Неподкупного! Оба гильотинированы десятого термидора... А меня арестовали как подозрительного декаду спустя – двадцатого термидора Второго года Республики... И вот уже полторы декады идет следствие, а я жду его результатов...

А?..

Ну, десятого августа тысяча семьсот девяносто четвертого... Сейчас двадцать четвертое по старому календарю. Или шестое фрюктидора по новому...

Мать моя женщина... Ничего не понимаю. Лег спать. Никого не трогал... Где хоть этот форт Каре находится?

В Антибе...

ГДЕ ЭТО?

В Южной Франции... Недалеко от Ниццы...

Здравствуй, белочка моя... Какая Франция? Какой тысяча девятьсот... тьфу! СЕМЬСОТ девяносто четвертый год?! Какой, на фиг, фруктодор?! И ведь не пил же ничего! И не фкури-вал!! С чего вдруг?!

Не фрУктОдор. А фрЮктИдор. Месяц урожая. Фрукты когда собирают... Новый республиканский календарь, введен в действие декретом Национального Собрания.

Не, ну я понимаю – фруктовый сезон, да... «Золотая осень». Время урожая... «А-а за ни-и-им – и сва-а-адыбы!.. Ы. Ы-ы-ы...» «Придем к изобилию» – последний официальный портрет товарища Сталина...

Блин, голова буквально раскалывается...

Точно белочка... Или шизофрения? Белочке просто взяться неоткуда... Я ж ничего про все эти Национальные собрания, фруктодоры, а уж тем более про форт Каре – ни сном ни духом! Отрывки только из того, что в школе учили, да в тырнете прочитал... А вот подсознание – оно может...

О-е... В психушке я – точно... Больше нигде. В палате номер шесть.

Да, похоже на то: никогда ничего подобного от себя не слышал! Даже когда меня комиссары арестовывали...

Какие комиссары?!

Да комиссары Национального конвента, тупые трусливые сволочи...

Почему тупые и трусливые сволочи?!

А по чьей милости я здесь сижу?! Н7 и за что! Вместо того чтобы быть с армией в Пьемонте (Пьемонт – это Северная Италия, если ты забыл)! И действовать по мной же самим разработанному плану! Но нет – им не хочется воевать, дуракам!.. Страшно вылезти за пределы любимой Белль Франс!.. А понять того, что только наступлением мы можем надежно обороняться, – у них не хватает мозгов!

У-у!.. Плохо-то как... Но я-то помню, что никаких планов вторжения в Пьемонт не разрабатывал... Потому что не мог разрабатывать никак. Аминь. Так что точно – шизофрения... Печально, господа, но приходится признать сей факт... В чем и надо будет честно сознаться доктору завтра поутру на обходе. А то не миновать мне, чую, галоперидола... Или чем там нынче скорбных головой пользуют...

Что за странная идея, черт побери? Или это действительно тюремное заключение так влияет на рассудок? Всего за четырнадцать дней! А ведь сколько мне здесь сидеть – совершенно неведомо! Во что я превращусь, когда за мной придут, чтобы отвести на гильотину?

На гильотину? Вот и хорошо! Пусть скорей приходят... Нет надежнее средства от головной боли!.. Лечь, пожалуй, надо. И – я же тут кувшин видел? – компресс на голову сделать... А то я так до гильотины вообще не доживу! Есть тут какая-нибудь тряпка?!

Носовой платок.

Благодарю Вас, Ваше Императорское Величество! Так... Платок намочить. На лоб и – лечь... Уф-ф... Полегчало хоть немного. Сейчас бы поспать еще – тогда, глядишь, поутру

мозги осядут после взбалтывания. И весь этот бред забудется как дурацкий сон... Тоже, блин, придумают – на гильотину... Наполеона! За связь с Робеспьером! Блин – сейчас опять засмеюсь... Гы...

Что тут смешного? После того как жирондисты гильотинировали его, его брата и всех главных монтаньяров, связь даже с младшим братом Максимилиана – это верная смерть! А я еще и обязан ему всем!

Кому?

Огюстену Робеспьеру, разумеется, черт побери! Ты что – действительно все забыл?! Это он настоял на присвоении мне звания после взятия Тулона! Без него никто бы и не почесался... И именно он привлек меня для организации итальянского похода!

Засыпаю, извини... И соображаю уже плохо. Однако приходит в голову первая самостоятельная мысль: что-то тут не так...

Глава вторая

На свободу – с чистой совестью!

«В какую историю мы, черт побери, попали?!»
П. Сереслегин

1

Шаг, еще один, еще один, поворот... Шаг, еще, еще, еще, еще – поворот! Пам-парам – парам-парам-пам... Пам-парам – парам-парам-пам...

Пам-парам!..

Хорошо живет на свете Бо-на-парт!

В голове его опилки – он нач-арт!

И неважно, чем он занят...

Если он худеть не станет!

А он худеть не станет, если, конечно, не похудеет внезапно на длину головы... Черт все побери!

Императором он станет – как пить дать!!

Черт! Что лезет в голову?! И в самом деле – опилки какие-то...

Чем я занимаюсь? Бегаю по камере.

Голова у меня прошла. А заодно наступило утро. И мой разум вступил в свои права и начал осознанно мыслить.

И обнаружил, что я – по-прежнему Наполеон!

Три тысячи чертей! Уж лучше бы я оказался поручиком Ржевским!

А еще лучше – графом Монте-Кристо! Тогда из ближайшей стены сейчас выкопался бы аббат Фариа и предложил поменяться с ним местами в похоронном мешке. А еще бы и сокровища кардинала Спада в придачу!..

Мне ни черта не приснилось! Бонапарту и в самом деле светит гильотина! И именно за связь с Робеспьером! А я напрочь не помню ничего такого в его биографии! И еще – он почему-то не командующий итальянской армией. А только начальник артиллерии! А командует вообще какой-то, этот, как его?.. Дюмербион! Кто это вообще такой?! И армия эта уже успела вторгнуться в Италию!! Еще весной! Уж не знаю, глюк это у меня (или у Бонапарта) или нет, но мне этот расклад не нравится!

И еще странность: генеральское звание – прямо из капитанов! – мне – ну, Наполеону, так я теперь он и получаюсь! – присвоили в начале года за взятие Тулона. Тут все вроде нормально – я помню, что именно там он и отличился первый раз. Но! Я помню весь ход кампании – наполеоновская-то память в отличие от моей не пострадала! – помню отчаянную атаку на Малый Гибралтар – ключевой пункт Тулонской обороны – помню, как шел во главе штурмовой колонны, навстречу изрыгающим смерть вражеским позициям, и как потом мои ребята громили артиллерийским огнем английские суда в гавани... Помню.

Но я абсолютно не помню НИКАКОГО Аркольского моста! Ну, все же классику проходили: «А все Аркольский мост и вечные французы!» Да и Андрей Болконский в свое время своими рассуждениями про этот Аркольский мост поддостав изрядно... Так вот – я сильно подозреваю, что никакого такого моста в Тулоне вообще нет!

В ЭТОМ Тулоне. И вообще в ЭТОМ мире.

Вот именно. Очень похоже на то, что я угодил НЕ В НАШУ историю. Что, кстати, и должно было быть, ибо в прошлое вернуться невозможно. В принципе. Все равно что укусить себя за затылок – уже сама попытка может привести к печальному результату. А раз так, то и Бонапарт мой может оказаться СОВСЕМ ДАЖЕ НЕ ТЕМ Наполеоном. А может и никем не оказаться... Отчекрыжат ему голову – и привет. То есть – МНЕ отчекрыжат, черт побери! И в достаточно близкое время! Поэтому сидеть тут и дожидаться я не желаю. Так что я решил бежать.

Правда, боюсь, от моих решений мало что зависит. Ибо Наполеон номер один – слава богу хоть он перестал меня донимать, уконтрапупившись до состояния всего лишь памяти. Ну – иногда еще внутреннего голоса, но это терпимо... – еще в самом начале изложил мне, почему отсюда сбежать невозможно. И сейчас только хмыкает на очередную мою завиральную идею. Вроде гениальной придумки придушить тюремщика, что носит мне еду, переодеться в его одежду и так выбраться наружу...

Впрочем, я этого тюремщика уже видел – приходил он. С утра. Принес завтрак. Завтрак, как ни странно, ничего. Хотя и не из ресторана. Но и мне и Наполеону приходилось питаться и похуже. Так что сожрали все принесенное. Сожрал. Я. А не мы, черт побери! Если уж я и рехнулся, то давайте это будет сумасшествие без раздвоения личности!.. Короче, завтрак оказался нормальный. А вот тюремщик – не очень. Ибо был старше Наполеона чуть не втрое, телосложением напоминал согнутую вешалку и двигался, припадая на одну ногу. Ветеран крепостного дела, блин... Поседевший в здешних казематах. Придушить-то мне его, может, и удастся. И даже переодеться. Но вот дальше... До первого поста.

А может, подкупить тюремщика частью сокровищ кардинала Спада? Да, это был бы крутой ход. Но, боюсь, результат выйдет такой же, как и в оригинале... То есть – нулевой. Да еще с зачислением меня в сумасшедшие... Ага... Только от гильотины оно меня вряд ли спасет. Не те времена...

Слушай, а если не выбираться из замка... то есть из форта?

То есть?

Да сбежать из камеры – и спрятаться здесь внутри. Я же помню – твоей памятью, как меня вели сюда после ареста. Тут такие закоулки – неделю скрываться можно гарантированно при малочисленности гарнизона. Я не шучу! Мы в похожих катакомбах в прятки играли – в шаге человек проходит и тебя не замечает! И никто, кстати, не станет искать сбежавшего арестанта в самой тюрьме! Зачем ему в ней оставаться, если сбежал? Дождемся вечера, обед и ужин сэкономим и – вперед! Занываемся. А потом, как шухер уляжется, – что-нибудь придумаем насчет выбраться наружу.

Гм... В этом что-то есть... Только продумать надо тщательнее. И подготовиться получше...

2

Однако этому поистине наполеоновскому плану не суждено было претвориться в жизнь.

В коридоре загремели шаги, и я сразу понял – уж не знаю, каким чутьем, а может, просто опытом Наполеона – что это идут ЗА МНОЙ. Ну вот и закончилось перемещение во времени... Или – глюк несостоявшегося императора. Сейчас все и выяснится, окончательно и бесповоротно, кто кого, так сказать, распнет...

Скрежетнул замок. Лязгнул засов. В распахнувшуюся дверь в сопровождении давешнего тюремщика вошли трое. Донельзя официального вида. По какому во все времена можно безошибочно опознать чиновников. Память услужливо подсказала фамилии: Альбит, де Лапорт, Саличетти. Троица, и упекшая меня сюда. Причем скотина Саличетти был моим земляком, и

именно благодаря ему я и смог в свое время попасть на должность замначарта в Тулонскую армию после бегства с Корсики...

– Наполеон Бонапарт! – провозгласил Альбит.

– Да... хр-гхм... Это я!

– Следствие по вашему делу решено прекратить. Ничего уличающего вас в принадлежности к подозрительным элементам, могущим нанести вред Французской Республике, не обнаружено. В то же время ваши военные дарования и знание театра, на котором проходит военная кампания, могут быть полезны делу народа. Поэтому – вот приказ о вашем освобождении, гражданин! А вот ваша сабля. Вам надлежит вернуться к исполнению своих обязанностей, генерал!

Е-кэ-лэ-мэ-нэ!..

Да, теперь я понимаю тот анекдот про мазохиста: зато когда промахиваешься – вот это ка-айф!

Облегчение ударило такое, что я чуть не взлетел. Все-таки Наполеон еще – сущий мальчишка! Что и неудивительно, если подумать – двадцать пять лет всего от роду! И что, пожалуй, самое смешное – только что буквально исполнилось, пятнадцатого августа! Вот прямо в этом каземате и встретил, блин!.. Романтика... Но я, однако, судя по своим воспоминаниям, постарше буду – и намного. И чего меня именно в пацана закинуло? Руки сами выхватили протянутую саблю и перевязь. От улыбки – пусть и скупой – в каземате явственно посветлело. Или это глаза сверкнули? Еще поживем, черт побери!

– Лед тронулся, господа присяжные заседатели! – фраза сама сорвалась с языка. – Лед тронулся! Я прямо сейчас могу выйти отсюда?

– Разумеется, – сухо подтвердил Альбит. Явно не понявший про заседателей.

– Тогда не смею более обременять вас своим присутствием, граждане! – Я подхватил с кровати шинель и треуголку с гвоздя («на нем треугольная шляпа – и серый походный пиджак!» Ага). – Революционное Отечество в опасности! Мы не можем терять ни минуты!

Подойдя к двери из камеры, я остановился напротив тюремщика и возложил ему на плечо руку.

– Благодарю за службу, боец!

Боец надзирательного дела чуть не упал. Но моя могучая длань удержала его в вертикальном положении.

– Служи дальше, храбрый старик! – продолжал я, чувствуя, что меня несет, но не в силах был остановиться. – И запомни, что я тебе сейчас скажу! – Я приблизил свое лицо к его лицу и произнес голосом оракула, доверяющего слушателю самое сокровенное:

– Бог – ВСЕГДА на стороне больших батальонов!

После чего отпустил совершенно уничтоженного великой истиной бедолагу и вышел в коридор, привычно придерживая рукой саблю. Теперь осталось только получить назначение в командармы – и дело в шляпе!

Глава третья

Новое назначение

Летели с юга птицы ©

1

Рано я обрадовался... И к тому же я все-таки явно угодил не в нашу историю. А в альтернативную. Ну – судите сами...

В Ницце, в штабе Дюмербиона, так, блин, и не вспомнил, кто это такой! В смысле я не вспомнил – не Наполеон... – мне искренне обрадовались только два человека. Некий лейтенант Мармон – знакомый по Тулону – но он куда-то быстро убежал по своим делам – и мой адъютант, тоже лейтенант, Жюно.

Между прочим, неплохой парень, судя по всему. Во всяком случае, так считает Наполеон. А я, помня его памятью обстоятельства знакомства, склонен согласиться. По крайней мере, не всякий способен шутить, когда его засыпает землей упавшее рядом ядро. И не всякого солдаты выбирают своим сержантом. (Оказывается, во французской революционной армии командиров солдат ЕГи вполне себе выбирали. По крайней мере младших... Н-да, ничто не ново под луной...) И – грамотный к тому же.

Остальные штабные... Меня встретили примерно как воскресшего покойника. Только не как благословенного Лазаря (ну, который «Лазарь – встань!»), а приблизительно как восставшего зомби из голливудского фильма. И даже сам Дюмербион, который вообще-то к Наполеону вроде как благоволил, выглядел скорей растерянным, чем обрадованным.

Впрочем, причина такого его поведения выяснилась достаточно быстро. Едва успев бегло поздравить вашего покорного слугу – Наполеона то есть – с избавлением от гибельных позорений, генерал огорошил меня известием о том, что меня вызывают в Париж для вступления в командование свежесформированной бригадой. У него, надо полагать, – впрочем, я-Наполеон знал это точно, поскольку участвовал в разработке планов, – у Дюмербиона были на меня кое-какие виды в предстоящих боевых действиях. И виды немалые. Поскольку сам он особыми военными талантами не отличался. Но... В армии приказы не обсуждаются.

Таким образом, я, не успев, что называется, даже лыжи снять, вынужден был срочно прыгать в сопровождении верного Жюно в ближайший дилижанс и двигаться в сторону «города Парижу». В этой, блин, спешке я даже помыться не смог. А уж то, что ехать пришлось в том же задрюканном мундире... Как выяснилось, в генеральском гардеробе не было предусмотрено запасного комплекта формы. Но что меня еще больше озадачило – такое положение дел для всех здесь выглядело как бы не в порядке вещей. Во всяком случае – судя по реакции Жюно. Когда я сказал ему об этом, он так простодушно удивился, как будто я... Даже не знаю... Предложил бы совершить нам с ним намаз, что ли? По-моему, Жан – это его так зовут: Жан Жюно, не знаю как кто, а я сразу запутался и какое-то время не мог запомнить – решил, что я просто шучу. Ну и бог с ним – повезло, будем считать...

Меня только хватило – хотя скорей не меня, а Наполеона – на то, чтобы выбить из штабного каптенармуса (или интенданта?) недополученные за время отсидки деньги и отдать их матери. Которая, как оказалось, обитала вместе со всей остальной семьей не где-нибудь, а в том же Антибе, в старой развалюхе, возвышенно именуемой «замок Салле». Впрочем, это обветшавшее сооружение выглядело достаточно романтично, увитое плющом и залитое солнечным

светом на склоне обращенного к морю покрытого зеленью холма. Ну, Италия – сами понимаете...

Честно сказать, это свидание с семьей сильно меня ошарашило. Ну не ожидал я, что все они «тоже тут». Не разобрался еще в памяти реципиента. В результате чуть не влетел по полной, вынужденный столкнуться с родней нос к носу. Ладно, хватило сообразительности сослаться на срочность исполнения приказа и ограничиться буквально кратким стоянием одной ногой на пороге, а другой на крыльце... Да и то пришлось выдержать целую бурю родственного натиска. Начиная с объятий обрадованной матушки, повисанием на шее двух визжащих младших сестер и заканчивая дерганием за полу со стороны самого младшего из братьев – Жерома. Хорошо еще, что недавно женившийся Жозеф отсутствовал по своим семейным делам. И Люсьена тоже не было. Зато Луи, оказывается, было давно обещано с моей стороны отвезти его в военную школу в Шалон, и сейчас представлялся весьма удобный случай!..

С огромным трудом удалось мне вырваться из этой западни. Особенно – избавиться от любимого брата, которого я, оказывается, уже который год учу и воспитываю лично. Только этого мне сейчас и не хватало!.. Отговорился полной неясностью положения и обещал все прояснить уже из Парижа. А также вызвать туда, сопроводить оттуда и там же все уладить... Как только – так сразу... Кажется, прокатило. Хотя, похоже, народ озадачился моим странным поведением. Но, в общем, с вопросами приставать не стали. Поскольку привыкли, что в семье все же я за главного... Еще и по этой причине я унесся из Ниццы как наскипидаренный. Мне просто страшно было оставаться с внезапно обретенными родственниками хоть насколько-то долго... Я и так вышел оттуда в почти что невменяемом состоянии.

Короче, вырваться удалось, но значение семьи для Наполеона оказалось для меня натуральным откровением. Как-то не ожидал я подобного от «чудовища Буонапарте». А вот поди ж ты!.. Впрочем, память – наполеоновская, понятное дело, – подсказывала, что так обстояло всегда. И семья их вообще отличалась исключительно дружной атмосферой и взаимопомощью. А значит, не таким уж самовлюбленным эгоистом был будущий потрясатель Европы, каким его изобразил Лев Толстой. Да и не только он один... По крайней мере – в молодости.

Кроме того, ничуть не меньше отношения к семье меня ошарашил тот факт, что этот, блин, кандидат в монархи, будущий узурпатор и душитель революции оказался при всем при том отъявленным якобинцем и сторонником республики! Чему, как выяснилось, нисколько не противоречило штудирование им записок Цезаря, числимого Наполеоном как раз в величайших революционерах. На основе деяний, ага... Такая вот диалектика. А помимо этого – он еще и Руссо шибко уважал. С небезызвестным высказыванием: «Ничто на земле не стоит цены крови человеческой!»

И это при всем при том, что якобинцев на данный момент уже в основной массе поотправляли на гильотину! Правда, крайним монтаньяром он все же не был. И многие действия робеспьеровского Конвента считал неверными. А то и дурацкими. В частности, массовый террор. Но – как ни странно – сторонником решительных мер являлся однозначно. Впрочем, сторонниками решительных мер в текущий момент были решительно все – от крестьян и простых горожан, страдающих от произвола революционных властей и шаек дезертиров, рыскающих по стране, до так называемых «неприсягнувших» священников, с оружием в руках боровшихся против воцарившегося безбожного государства... Революция, так ее и разэдак...

Хотя применительно к Наполеону причина была достаточно проста. Будучи по происхождению дворянином, но не аристократом, он своими глазами видел, к чему привела страну монархия. И совсем не хотел возвращения прежних порядков. Бурбоны – вернись они на трон – в полном соответствии с формулировкой «ничего не забыли и ничему не научились» первым делом восстановили бы привычный им старый добрый феодализм. А этого бывший офицер заштатного гарнизона совершенно не хотел. Как не хотело реставрации подавляющее большинство населения Франции. И против чего упорно сражалось. Робеспьер же и монтаньяры

просто максимально последовательно и радикально выступали именно против такого поворота дел. Ну и Наполеон за компанию, ага... Черт знает что!..

2

В добавление ко всему наши с Наполеоном личности оказались едва ли не полными противоположностями.

До такой степени, что я даже представить был не в состоянии, как их можно совместить. Уж кто и зачем такое устроил – бог весть. Но я бы этому умельцу с большим удовольствием высказал бы мое отношение к таким экспериментам. Да... Если бы добрался...

У Бонапарта оказался ярко выраженный левополушарный тип мышления. Абстрактно-логический. Чем и объяснялись его математические способности. А я – голимый гуманитарий, из всей математики твердо помнящий только таблицу умножения. То есть как раз – вправо перекошенный (в смысле полушарий). Думается, именно этому обстоятельству я и был обязан наличием «внутреннего голоса» – так сказать, «Наполеона внутри себя». Потому как полного замещения личности при моем здесь возникновении явно не произошло. А вместо этого мы, похоже, получили каждый по полушарию бонапартового мозга. Он – свое левое. А я, соответственно, – правое. Хорошо еще, что командовать парадом досталось мне, а не ему... Хотя и от получившейся конструкции спятить можно было – как два пальца... Сами понимаете, что сделать.

Как с той же математикой. Я уже сказал, что кроме таблицы умножения ничего твердо не помню. Хотя и проходил, конечно, и бином Ньютона, и интегральное исчисление – как все, ага... Ну, знаю еще некоторые прикладные формулы... Однако уже на квадратных уравнениях начинаю путаться. Наполеон же играючи разгибал интегралы – причем в уме! А я от этого действия мог понять только результат. Сам в процессе вычисления не участвуя. И от этого впадая в весьма странное состояние... Нечто навроде транса. Или нирваны... Так что я теперь вполне могу на эстраде выступать – как человек-счетчик. Будет хоть какой-то заработок. Если в императоры не возьмут... Пару раз я даже Жюно напугал. Пришлось объяснять, что глубоко задумался...

Кроме того – возраст и темперамент.

Хотя бы уже то, что я «сова», а он «жаворонок», несколько напрягало... Хотя это и мелочь, в общем. Но вот возраст – уже серьезнее. Я – по моим внутренним ощущениям – был постарше. Причем – сильно. Как бы не вдвое... А Наполеон в свои двадцать пять выглядел едва не на восемнадцать – маленький, худенький, с черными длинными невымытыми патлами, заплетенными на конце в небрежный хвост (да еще с голубыми глазами!) – я просто обалдел, когда мне удалось разглядеть себя в зеркало: бомж натуральный! Или хиппи... Только без хайратника. Или вообще беспризорник в обносках. Шаромыжник, ага: «шерами!». Хоть сейчас можно писать с персонажа картину «Конец Хитрова рынка»... Так при всем при этом он еще и по натуре был ярко выраженным гиперактивным типом. Электровеником буквально. В отличие от меня, лентяя...

По-моему, он даже думал раза в два, если не в три, быстрее моего. Что имело, конечно, свои преимущества – поскольку плоды раздумий пожинал я, но зато зачастую я и действия совершал, не успев понять, что делаю. Как, например, приключилось в тот раз, когда какие-то революционные гвардейцы на полпути к Парижу хотели реквизируют лошадей нашего дилижанса. Я еще только тупо соображал, кто такие эти выглядящие чистыми разбойниками с большой дороги оборванцы, а наполеоновская часть сознания уже выпрыгнула на дорогу и голосом, подобным звону ружейной стали, грянула, что я – генерал Бонапарт и следую в Париж по делу, не требующему отлагательств... Я думал, что тут нам и конец. Однако опыт кадрового офицера сработал правильно, как оказалось. Солдаты смутились в первый момент. А второго –

чтобы опомнились – Наполеон им не дал. Тут же потребовал командира, вступил с ним в разбирательства... И в результате через полчаса мы продолжали ехать дальше, принимая изъявления благодарности от успевших изрядно перетрухнуть попутчиков: времена были самые что ни на есть решительные, как я уже отмечал, и подобная встреча могла закончиться расстрелом на месте без суда и следствия – как гидры мировой контрреволюции...

Знаете, что после этого сделал сей «человек из стали и грома»? Всю оставшуюся до вечера часть пути он самозабвенно проиграл с детьми ехавших в дилижансе пассажиров. Чтобы развеять их испуг и развеселить... Я, в общем, и сам не чужд... Однако применительно к Наполеону?! Да еще учитывая тот успех, которого он добился, – под вечер дети его уже обожали... Мне практически не потребовалось вмешиваться – он сам прекрасно справился. Офигеть...

Но полностью убедило меня в альтернативности окружающего мира – и едва не добило, если честно признаться, – то, что этот гений артиллерии, блин... и без дураков знаток математики, на фиг... Оказался натуральным Маниловым! Совершенно беспочвенным мечтателем, склонным витать в облаках и строить грандиозные «наполеоновские планы», не считаясь с реальностью ни на копейку!

Всю дорогу до Парижа, невзирая ни на жутко некомфортный дилижанс (с неизвестно из чего сделанными рессорами и готовым рассыпаться от старости кузовом), ни на полчища блох, клопов и тараканов, атакующих нас на каждой ночевке в придорожных гостиницах, несмотря на шайки дезертиров, рыскающих по округе и вынуждающих пассажиров ехать с оружием наготове, – всю дорогу этот утопист пробавлялся тем, что выпытывал у меня подробности о техническом прогрессе за истекшие двести лет. И воображал, как будет внедрять услышанное в жизнь.

Смешно – но мы с Наполеоном чуть не разругались. Внутри себя, ага... Уж очень его впечатлило, что я по профессии авиатехник, и, стало быть, мы мигом запустим в небо Франции эскадры воздушных кораблей... И всем покажем кузькину мать, да... Впрочем, надо отдать должное – гражданские воздушные перевозки интересовали его ничуть не меньше. Воздушный путь в Индию, например... Для перевозки всякого нужного крестьянину товара, ага... Еле я от него отбил. Причем по ходу перепалки выяснилось, что Наполеон всегда жутко интересовался всем, связанным с воздухоплаванием (ну, еще бы – по тем временам это было явление, сопоставимое с выходом в космос). И даже как-то, будучи еще кадетом военной школы в Париже, предпринял попытку тайком прокрасться в корзину аэростата Бланшара на Марсовом поле, но был пойман... Видимо, он стал таким образом первым воздушным зайцем в истории, пускай и неудавшимся...

То есть мне-то сперва казалось, что это я сам вспоминаю... Пока я не сообразил, что получают-то у меня классические «воздушные замки». Ведь ни технологии производства нитропорохов, ни гремучей ртути я в деталях не знаю. А двигателя внутреннего сгорания, потребного для танков и авиации, тут в принципе не может быть, потому что генерал Карно вместо того, чтобы изобретать цикл своего имени, занимается игрой в солдатики. То же касается и электричества... Хотя лейденские банки уже существуют. Но до уравнений Максвелла – как до Луны пешком! Да и сам Максвелл еще не родился... Да что теория! Нет промышленной базы! Металлургическая промышленность не в состоянии лить сталь нужного качества. Потому что нет химии как науки – при отсутствии таблицы Менделеева. А металлообработка, по сути, вообще невозможна, ибо то, что тут есть из станочного парка, – за таковой считается не может ни при каких условиях.

Что уж говорить про банальную инерцию мышления... Первая в мире самодвижущаяся паровая повозка – телега Кюньо – была создана именно во Франции аж двадцать пять лет назад от текущего момента! И что? А ничего!.. Зачем, спрашивается, когда лошади есть? Родиной

железных дорог в результате стала Англия. Просто потому, что там промышленность более развита. Да и то до того времени осталось еще ждать столько же – те же четверть века.

Да. Здесь вам не Рио-де-Жанейро...

Глава четвертая

Вандее придется подождать

«В государстве во время революций бывает только два разряда людей: подозрительные и патриоты».

Наполеон Бонапарт

1

– Брига-ада!.. Равняйсь! Смир-рна!.. Равнение на...

– Вольно!..

Я щелкнул крышкой часов и убрал брегет в часовой кармашек. Хороший хронометр. Немалых денег стоит. Но не в деньгах для офицера ценность такого механизма. Тем более для генерала.

– Сорок пять минут на построение на территории собственного лагеря, – сказал я подполковнику Флеро, командиру второго полка. Единственному старшему офицеру, оказавшемуся в расположении части. – Конгениальный результат... Толпа беременных тараканов двигается слаженней и быстрее. Где начальник штаба и зам по тылу? Вы послали за ними полчаса назад! Сколько я буду их ждать?!

– Не могу знать... – с лица подполковника можно было писать портрет принца Лимона пера Джанни Родари. Он совершенно очевидно не хотел быть крайним в сложившейся ситуации. Но... он именно им и был.

– А кто может? Пушкин?

– Гражданин генерал! Гражданин генерал!

– Ну чего еще?

К нам от линии построения бежал второй из наличествующих высокопоставленных лиц бригады. Комиссар Конвента Франсуа Леон. Юноша двадцати лет со взором горящим и с явным стремлением походить на не так давно гильотинированного Сен-Жюста. Правда, к счастью для него самого, – сходство выходило скорей комическим. Не то не миновать бы ему участи объекта подражания. Судя по замашкам, Леон служил ранее где-то то ли секретарем, то ли распорядителем. И как попал на нынешнюю должность – было совершенно непонятно. Но на основании столь высокого назначения он, видимо, ощутил в себе недюжинный полководческий дар. Ибо до сего момента – даже несмотря на мое прибытие – именно он осуществлял общее командование. Нисколько не заботясь, похоже, наличием штатных офицеров...

– Что у вас, гражданин?

– Нужно произнести речь, гражданин генерал! По поводу вашего назначения командующим бригадой! Я уже заготовил тезисы, сейчас я вам их изложу...

– А может, вам еще и ключи от квартиры, где деньги лежат, отдать?

– Что... Простите, гражданин?..

– У меня приказ, – отчеканил Бонапарт. Все это время сидевший внутри меня тише мыши. (И у него к этому имелись некоторые основания. Он сначала вообще хотел психануть и хлопнуть дверью. Когда узнал, что его назначают командиром ПЕХОТНОЙ бригады. Да я его уломал: все ж таки опыт командования пехотной частью будущему императору никак не мог повредить – потому нечего становиться в третью позицию. Вот он и дулся на меня за то...). Но сейчас не выдержавший. – НЕМЕДЛЕННО выступить с бригадой в Вандею. Но я даже отдаленно не мог себе представить, какой бардак я здесь обнаружу! Поэтому, – добавил я уже

от себя, – засуньте ваши тезисы туда... откуда вы их высунули, встаньте вот здесь и впредь слушайте то, что я вам говорю, а не что вы мне говорите!

– Но позвольте!..

– Молчать, я вас спрашиваю! Половины личного состава нет на месте. Командиров – вообще только один! И я имею в виду не вас, Леон! Солдаты обмундированы черт-те во что! Огнестрельного оружия – едва у трети человек! Пушек – нет!! Маркитанток в лагере – чуть не больше, чем солдат!! И при всем при том – бригада не умеет даже строиться! Вы с этим сбродом собрались идти подавлять мятежников?!

– Мы готовы умереть за дело Революции!

– Тогда не отнимайте у Революции времени и средств на ваше содержание – идите и застрелитесь! Но чтоб впредь я от вас не слышал никаких руководящих указаний! Иначе я сам вас пристрелю! Вам ясно?!

Наполеон, когда захочет, – может быть страшен. Это я и раньше знал. Теперь же убедился на практике. Бедняга Леон заткнулся, побледнел и вытянулся по стойке смирно. Точнее – в том, что он таковой считал. Но в данный момент это было уже несущественно.

– Значит, так, господа присяжные и заседатели... Распустите строй. А через полчаса... Нет – через пятнадцать минут! Приказываю всем имеющимся офицерам от роты и выше собраться на совещание. Лейтенант Жюно – обеспечьте помещение, бумагу, карты и свечи! И кофе! Будем составлять план по выходу из имеющейся задницы... Да. И вот еще что! Черт с ним, с начальником штаба, – придет или не придет, это уже его проблемы!.. Но зама по тылу – достаньте мне хоть из-под земли! Это уже ко всем вам троим относится! Выполняйте, бандер-логи!

– Прошу прощения, гражданин генерал... – подполковник Флеро был на вид так мужчина лет тридцати. И по своему опыту посчитал нужным подсказать сопливному мальчишке в драном мундире. – Сейчас уже дело к вечеру... Не проще ли завтра, когда соберутся все, полным составом выработать план похода?

– Полковник... – Япона мама, в каком шкафу они тут все лежали? – Ни о каком походе не может быть и речи. Мы будем составлять план учебных мероприятий!

– Но... как же можно нарушить приказ о выступлении в Вандею?

– Очень просто! В силу полной неготовности бригады к боевым действиям! И пока этой готовности не будет – я никуда вас не поведу! Вандее придется подождать!

2

Совещание. Не первое. А очередное... Или все же то самое, только с перерывами затянувшееся на две недели?

Я, конечно, знал, что Наполеон спал по четыре часа в сутки. Но как-то ни в форте Каре, ни по пути в Париж этого за собой не замечал. А вот сейчас... Какое там – «четыре часа»! Как получится! Когда и вообще ни одного! Этот трудоголик не иначе задался целью всех загнать насмерть, не отправляясь ни в какую Вандею. Работа со штабом. Обучение офицеров тактике противопартизанских действий (я ее не очень знаю, а то, что знает Наполеон, скорей относится к корсиканской межклановой герилье, но эти парижские добровольцы не знают ничего вообще!), обучение сержантов тому же, проверка изученного на практике – устраиванием маневров... Расчет потребного времени и снабжения для марша в эту самую Вандею (неблизкий свет!). Доукомплектование бригады до полного состава (четверть солдат так и не обнаружилась, а штаб пришлось практически создавать заново – за счет полковых и батальонных офицеров. Командир первого полка полковник Бриан вообще не явился. Сказался больным. Тоже пришлось заменить. А кем?! Да одним из его комбатов, елки зеленые...). Выбивание недостающей амуниции – ибо хотя и есть в бригаде интендант, но он такой же увалень,

как и остальные: пока не пнешь, не почешется... А еще и самому приходится во всем этом разбираться! Потому как я служил в технических войсках, а Наполеон хотя и командовал на Корсике полком местной милиции – и даже высаживался с десантом на Сардинию! – все же реально с пехотой дела не имел, тем более в таком количестве...

Голова пухнет! А самое главное, эти, блин, волонтеры Революции – они ж ничего не хотят понимать! Какой идиот придумал хохму про стадо баранов под управлением льва?! Его бы сейчас на мое место! Посмотрел бы в эти вытарашенные глаза... Ведь даже офицеры откровенно недоумевают от устроенной мной учебы!.. Только прямым тыканьем носом в их вопиющую некомпетентность мне удастся удерживать их в подчинении. А ведь, казалось бы, простой факт, что смертность «парижских добровольцев» в Вандее превышает девяносто процентов, должен же был наводить их на какие-то мысли? Но нет! «Мы все, как один, – умрем в борьбе за ЭТО!» Цитата. Долбодятлы, блин!..

Хотя я все же не прав: сдвиги кое-какие есть...

Мне потребовалось два часа, чтобы объяснить Леону, в чем заключаются его комиссарские обязанности, – он с одного раза не понял! Зато сейчас вроде не в свое дело не лезет. А занят тем, чем и должен, – идеологической накачкой и культурно-политическим просвещением личного состава... Кстати – Наполеон очень даже в этом помог: он когда-то, еще в 91-м году, в своем полку унтер-офицерам регулярные политинформации устраивал – газеты читал, объяснял текущую ситуацию... Причем отнюдь не за короля агитировал! Такая вот подробность из жизни великого человека...

Слушаю привычные уже доклады. Пожалуй, ротных и батальонных командиров в дальнейшем на совещания можно не приглашать. Форма рапорта всеми боль-мень усвоена. И смысл вечернего «подбивания бабок» и планирования исходя из результата – тоже. Пусть теперь первичный разбор у себя делают и предоставляют рапорт полковникам, а уж те потом – мне... Опять же – экономия времени... Кроме того – имеется еще приятная новость: солдаты наконец-то научились держать строй! Не фаланга македонская, конечно, но коробка на ходу больше не расплзается...

– Молодцы! Чудо-богатыри! Еще, пожалуй, пару недель – и курс молодого бойца можно будет считать законченным! Поздравляю вас, господа, – лед тронулся! Что еще? Как дела с гранатометчиками?

– Тренируются, гражданин генерал! С пращами не у всех получается, но это дело поправимое. Вручную стабильно мечут на дистанцию в пятьдесят футов... Виноват – двадцать метров!.. Изготовление гранат в соответствии с планом...

– Хорошо! – это я сам придумал. От безделья рукоделье... Называется: пушек нет – возьмите бубен! По два гранатометчика на каждое отделение. Вместо пулемета. Не ахти что, но в тех местах может оказаться для противника весьма неприятной неожиданностью. Да и все равно ничего больше своими силами соорудить не успеваем. – Что по второму варианту?

– Первый образец послезавтра должны собрать. Остальные – по результатам испытаний...

Хоть бы получилось! Вот это тогда была бы вундервафля! Легкая катапульта. Швыряющая фунт порошу с картечью на полтора метра. И переносимая по полю боя тем же отделением из десяти человек (боезапас тоже тащить надо). Десять штук будет, если опытный образец сработает правильно... Вместо минометов. А вы что думали? Что я просто так погулять вышел? Нет уж, что по силам, то мы спрогнозируем обязательно... Ибо совместный труд для моей пользы – он облагораживает! Цитата!

Так, кто у нас следующий? А, интендант! На сладкое...

Этого надо послушать внимательней. Этого я озадачил безжалостней всех – фактически поставив пред ним задачу выкроить семь шапок из одной шкуры, причем шапок полноразмер-

ных, без дураков. Но вроде мужик крутится. И даже результаты кое-какие обещают быть... Упс!.. Что?

– Что значит: «С обувью проблемы, возможно, удастся?..» Конкретней, пожалуйста! Сколько раз уже просил формулировать доклады однозначно!

Мнется. Чего он там нахিমичил? Хотя я сам же ему прямым текстом разрешил любые аферы – лишь бы со снабжением был порядок. Но тут он что-то явно сугубо хитрое замыслил, раз сообщать не торопится...

– Мне удалось договориться с секцией нашего предместья, – наконец выдает интендант формулировку. – Если мы им предоставим на неделю тысячу человек, то они пожертвуют нам необходимое количество обуви и запас кожи для ремонта – как патриотическое деяние...

Патриотизм, блин... По бартеру! Какой дурак сказал, что революции делаются на энтузиазме? Нет, куда ближе к истине был другой классик – сидящий, кстати, среди здесь: «Для войны требуются только три вещи: деньги, деньги и еще раз деньги!» Но на неделю?.. Придется опять перекраивать все планы, черт побери!.. Зато вопрос закроется кардинально... А, ладно – не в первый раз!..

– Хорошо. Организуйте. Надеюсь, солдаты им нужны не для захвата власти?

– О, что вы! Нет! – заверяет интендант, обрадованный моим решением.

– Что с полевыми кухнями? – не даю я ему возможности расслабиться.

С этим вопросом – вообще анекдот. На грани клиники. НИКТО не хочет заниматься. Про военный Комитет вообще молчу. Командующий там бывший артиллерийский капитан Обри – такой дуб, что к нему надо сразу подходить с ящиком динамита. Иначе не прошибешь. Но и для остальных эта идея оказалась как для барана новые ворота... Специально потратили целое совещание, на бумаге считали затраты времени, очевидную выгоду – все согласны... Но – «не первостепенной важности!» Блин! Родил даже новую максиму: «Желудок – такое же оружие солдата, как и его ружье!» – но толку никакого... «Ну зачем нам эти излишества?» Побывав бы!

– В первом полку нашлись люди – из рабочих – говорят, что могут сделать одну сами, если им позволят договориться в их квартале... Но для этого их придется отпустить тоже на неделю.

Оба-на...

Это что – лед действительно тронулся?! Хотя что-то начало работать? В данном случае – призывной контингент. То есть – добровольческий. Солдаты-то – да и офицеры в основном тоже – все из рабочих предместий. Подавшиеся в армию от полной безнадежности и желающие действительно защитить республику от роялистов и спекулянтов, лишаящих народ хлеба. Но по этой же причине все они – бывшие сторонники Шометта и Эбера. Санкюлоты, блин... А по нынешним временам – и Робеспьера как проводника террора. У меня вообще складывается мнение, что посылку добровольцев в Вандею термидорианский Конвент предпринял в небольшой степени с целью избавиться от лишних смутьянов. И это же, кстати, хорошо объясняет и назначение сюда Наполеона – как вполне подозрительного. В Вандее если не всех, то большинство поубивают озверевшие от революции крестьяне, и таким образом в Париже станет меньше причин для головной боли. Оттого и со снаряжением такой бардак – на смертников еще и деньги тратить? На энтузиазме повоюют... Я, кстати, и Леона в этом же направлении ориентировал... Не в смысле смертников. А в смысле энтузиазма. Так что мы теперь даже и название имеем соответствующее: бригада имени Парижской Коммуны. Ага: «Смер-ртельный Летучий Отряд Пролетарского Гнева»! И во главе – лично Наполеон Бонапарт!.. Кстати – название я предложил. Уржаться можно. Но – работает: народу нравится. А сейчас вот, похоже, и до коммунистического энтузиазма дошло... Но, как говорится, чем бы народ ни тешился, – лишь бы на пользу дела!

– Хорошо! Пусть займутся! Но не одну, а – две! За исполнением проследит командир полка! – Тяжкий вздох одного из присутствующих мы проигнорируем: «А кому сейчас легко?»

– шутка вызывает ухмылки. Удивительно: неужто и в самом деле народ начал меня поддерживать? Ну... Может быть, таки удастся получить в итоге хоть какую-то воинскую часть, а не цыганский табор... – Что у вас еще? Все? Тогда... – вытаскиваю часы, смотрю, отщелкнув крышку (будто и так не знаю, что сейчас ночь). – Три часа... Совещание на сегодня окончено! Прошу всех заняться своими делами. Но напоминаю: через полчаса у нас плановая учебная тревога! Так что спать никому ложиться не советую! Все! Расходимся!

– Ваше превосходительство... – это Флеро. – Ну надо ли так изнурять людей? Ведь мы не в боевых условиях...

Вот тип. Исполняет все, что приказываю. Но при этом – все время зудит на предмет «зачем это надо?» А поскольку он один из старших по возрасту командиров – к его мнению прислушиваются остальные. Выгнал бы... Да придаться не к чему – командует вполне исправно. Однако всему лишнему – на его взгляд! – сопротивляется как ишак изучению грамоты...

– Чего вы добиваетесь? – продолжает между тем этот отважный зануда. – Чтобы к моменту выступления солдаты попадали с ног от усталости?

– Фельдмаршал Флеро! – я тоже не упускаю случая слегка его подколоть. Такая вот уже своеобразная традиция: один все время ноет, другой – дразнится... – Я добиваюсь того, чтобы выступление в поход солдаты восприняли как отдых! В полном соответствии с правилом графа Суворова-Рымниковского: «Тяжело в учении – легко в гробу!» А это, между прочим, на данный момент лучший полководец мира! Стыдно не знать! Да и насчет того, что мы сейчас не в боевых условиях – вы тоже не правы. Ибо когда дойдет до дела, враги не станут спрашивать, в каких условиях мы находимся, а просто начнут без лишних слов нас всех закапывать вместе с бригадой... Единственный способ избежать такого печального конца – это учиться, учиться и учиться военному делу настоящим образом! Потому: чем больше мы сейчас усвоим – тем меньше мы потом потеряем!

Господа... то есть граждане офицеры уходят. Завороженные силой моего умища. Похоже, мне удалось их впечатлить за эти дни... А как утверждал все тот же Александр Васильевич: удивить – значит победить! А если и не он это придумал – все равно правильно! Я вас научу родину любить, навуходоносоры африканские! Это вы просто с русским сержантом до сих пор не сталкивались...

Слушай, прерывает мои рассуждения внутренний голос, а что – в ваше время действительно считают, что Суворов лучший полководец мира?

Вот же ж твою ивановскую... И этот туда же! Как будто не слышал никогда такую фамилию! Поэтому я ограничиваюсь коротким:

– До твоего появления – да!

От скромности еще пока никто не умер...

3

Ну вот и месяц пролетел... И вот – результат.

Как говорится – все, что нажито непосильным трудом...

– Генерал Бонапарт! Вы отстранены от командования бригадой!

– На каком основании, господин Обри?

– На основании вопиющего неподчинения приказам!

Об морду президента военного Комитета можно поросят забивать. Настолько она мону-ментальна. Чувствуется старый служака. Завоевавший свое звание беспорочной службой. А меня – то есть Наполеона, но я уже как-то мало это различаю последнее время – тело-то одно! – не миновали ни пули, ни осколки, ни штыки (могу штаны снять и показать шрам, заработанный в рукопашной под Тулоном). Так что еще вопрос, кто кому должен подчиняться!.. Этот

момент уже возникал – еще при получении назначения. Но тогда я Бонапарта удержал. Сейчас он пока сам сдерживается...

– Мои рапорты о состоянии бригады все имеются у вас! Из них легко видеть, что месяц – минимальная задержка для подготовки к походу в таких условиях!

– Ваши вздорные доклады о неспособности бригады вряд ли послужат оправданием вашего неповиновения! Комитету лучше знать, когда бригаде выступать, а когда нет. В результате вы сорвали все планы действий наших войск против роялистов. Что вылилось в неоправданно высокие потери вышедших в назначенный срок других частей! Именно во избежание дальнейшего ухудшения ситуации я и отстраняю вас от командования...

Ах ты, старый пень... Вздорные?! Сорвал планы? Галочку тебе надо было поставить в отчете, да?!

– Я не могу запретить вам, ГРАЖДАНИН Обри, отдавать приказы, какие вы считаете нужными... Весь состав моей бригады может подтвердить, в каком состоянии она была и в каком находится теперь. Я обращусь в Комитет Общественной Безопасности – лично к Баррасу. Мы знакомы с ним по Тулону, и я не думаю, что он забыл мои заслуги перед Республикой!

– Не спешите, ГОСПОДИН Бонапарт! Все не так просто!.. Кроме факта прямого неповиновения есть еще кое-что... И, думаю, оно очень не понравится ГРАЖДАНИНУ Баррасу, когда он с ним ознакомится...

– Что именно?

– Растрата казенных средств. Финансовые махинации с имуществом вверенной вам бригады в особо крупных размерах... Использование солдат для работ, не имеющих к делам бригады никакого отношения...

– Вы не хуже меня знаете, для чего это делалось! Как знает такие вещи и Баррас. Я буду настаивать на разбирательстве дела в Комитете Общественного Спасения!

Что, съел? Попробуй-ка переварить такую пилюлю. Даже и в наши-то времена не всякому подобное удавалось. А уж сейчас-то...

– Господин Бонапарт, вы вынуждаете меня... – теперь личина Обри выражает скорбь. Ну, примерно как могла бы скорчить подобную гримасу бронзовая статуя Командора. – Только из-за вашей молодости я собирался применить к вам столь мягкие меры! Понимая, что вы не располагаете достаточным жизненным опытом и судите об окружающем с точки зрения пылкой юности! Только поэтому – повторю! – я и ограничился отрешением вас от должности. Но если вы упорствуете... Я не думаю, что гражданин Баррас вообще захочет иметь дело с человеком, арестованным за антиправительственную деятельность!..

– Это в чем это такая деятельность выражывалась?

– Извольте. Распространение среди офицеров бригады пораженческих настроений... Фактическое отстранение вами от исполнения его обязанностей комиссара Конвента гражданина Франсуа Леона. Ведение антиправительственной пропаганды. И, наконец, – подготовка мятежа по свержению власти Конвента в пользу Парижской коммуны! Я могу арестовать вас прямо сейчас. Если вы по-прежнему отказываетесь выполнять мои распоряжения! А позже будут арестованы и офицеры вашей бригады, несомненно состоящие в заговоре!

Видимо, Обри подал какой-то незаметный сигнал, потому что как раз в это время двери кабинета распахнулись, и из коридора вступил наряд караула с ружьями под командованием лейтенанта...

Вот такого поворота я как-то не ожидал. Он что – рехнулся? Или он всерьез рассчитывает раскрыть роялистский заговор в бригаде, сформированной из парижских рабочих?.. Блин! Идиот – это я! Вот как раз рабочие-то и были основной массой всех роялистских выступлений после термидорианского переворота! Я ж об этом читал! Так что не такая уж и дурацкая мысль пришла в голову этому дубу...

Только... Только что он тогда со мной разговоры разговаривает? Арестовал бы сразу – да и дело с концом!.. А так... Стоп. Что он сказал: «Я могу арестовать вас прямо сейчас. Если вы по-прежнему отказываетесь выполнять мои распоряжения!» Если я по-прежнему отказываюсь... Так это он ВСЕГО ЛИШЬ так меня с бригады снимает?! Во исполнение своего же приказа?.. Офигеть... Я хренею, дорогая редакция!.. Революционная законность рулит! Послать его, что ли, за такой непарламентский ход? Так ведь арестует... А за мной и остальных потянет – наверняка. Чтоб самому отмазаться. И будет как минимум разбирательство... Которое закончится неизвестно чем и неизвестно когда... И хрен бы с ним – не в первый раз! Но что станет с матерью и сестрами? От братьев толку – никакого: хорошо еще, что сами прокормиться могут... А семья живет на мои деньги! Но и бригадой мне уже не командовать – это очевидно!.. Да провались ты в тартарары!..

– Я думаю, – в глазах Обри мелькнула насмешка над наглым юнцом. Сообразившим, в какую ловушку он угодил. – Самым приемлемым вариантом для вас сейчас, чтобы сохранить честное имя, было бы вообще выйти в отставку. По состоянию здоровья. Вы ОЧЕНЬ плохо выглядите, господин Бонапарт...

Ах ты, сволочь... Но обложил ведь со всех сторон! Наверняка знает мои семейные обстоятельства. Оттого и поставил в такое положение, что даже в морду ему не плюнешь... Остается только самому утереться. Да поблагодарить за науку...

– Хорошо. Я подаю в отставку. По болезни. Но позвольте тогда порекомендовать вам назначить командиром бригады вместо меня...

– В вашем совете, генерал, нет необходимости. Новый командующий бригадой уже назначен. И я даже думаю, что он вполне справится с принятием дел без вашего участия – вы очень нуждаетесь в лечении и отдыхе. Ведь последний месяц вы работали по двадцать часов в сутки!.. ...!

– И кого же вы назначили?

– Я не обязан перед вами отчитываться! Но поскольку это все равно станет известно уже в ближайшие часы... Новым командиром бригады «Парижская коммуна» военный Комитет утвердил полковника Жерома Бриана. Человека достаточно опытного и взрослого для такого ответственного дела. Вы можете не беспокоиться по сему поводу. Жду от вас рапорт об отставке.

Это ж тот самый командир первого полка, который ни разу даже не появился в расположении – я проверял... Блин, какой же я дурак!..

– Засунь этот рапорт к себе в задницу! Это я подожду, когда ты сам ко мне приползешь! – дурацкие детские слова. Продиктованные прорвавшейся обидой. Но сил сдерживать Наполеона у меня больше не осталось.

С грохотом хлопает дверь. Бывший генерал Бонапарт идет по коридору. Как Штирлиц. Только – в обратную сторону. С рапортом, без рапорта – один черт, при Обри я здесь уже не появлюсь. А этот дуб врос тут корнями весьма крепко...

Материалы из «Серой панки», 1792

Лето 1792 года. Форт ВВВ

Из дневника Сергея Акимова

Запись первая

Прогресс – великая вещь: начинал я эту папку гусиным пером, а продолжаю уже стальным. Конечно, после того, как все мы когда-то привыкли к шариковым ручкам, примитивная «канцелярская» с острым перышком – тоже не подарок, но, по крайней мере, не требуется поминутно пускать в дело перочинный нож. Короче: да здравствуют инженеры! И особо самый главный из них – Динго!

А теперь продолжим заполнять биографическую справку...

Или, точнее сказать, – заполнять заново. Так как почта этого года принесла ожидаемый улов. И улов этот неплох...

Сперва – немного о родине нашего фигуранта.

Знаете ли вы, что такое Корсика?

Подавляющее большинство наверняка ответят – там родился Наполеон. Часть, напрягшись, вспомнит, что это остров в Средиземном море. Еще некоторые, сосредоточившись, припомнят, что там в лесах очень много диких корсиканцев, которые режут друг друга по законам кровной мести. Еще кто-нибудь, наверное, с сомнением произнесет: «Мафия»...

Ну, собственно, и все. Я сам был удивлен, насколько мои личные познания ограничиваются именно таким набором. Действительность же оказалась – как всегда и бывает – несколько шире обыденности...

Для начала: Корсика – это остров, расположенный посередине королевства Сардиния. По крайней мере, в наше – конец восемнадцатого века – время. Как так?! Очень просто. С севера на материковом берегу находится княжество Пьемонт, в котором правит герцогская семья герцогов Савойских. А в одна тысяча семьсот тринадцатом году очередной герцог Савойский Виктор-Амадей II получил в результате «войны за испанское наследство» по Утрехтскому договору в качестве бонуса отныканное у Испании королевство Сицилия. А в тысяча семьсот двадцатом Австрия предложила поменять Сицилию на Сардинию. От чего герцоги Савойские не смогли отказаться... А Корсика – это как раз остров, торчащий точнехонько между Сардинией и Пьемонтом. Вот так родина Наполеона и заняла принадлежащее ей теперь историческое место... Вы поняли что-нибудь? Вот и я с трудом. Тем более что столица этого самого королевства Пьемонт-Сардиния (а его и так называют) – город Турин – находится в герцогстве Савойском...

Ну так ближе к делу. Суть этого отступления в том, что Корсика в Сардинское Королевство не попала. Поскольку принадлежала Генуэзской республике, которая, в свою очередь, много веков резалась за обладание этим островом то с Пизой (это та самая Пиза, про гонца из которой у нас только глухой не слышал. Правда, там еще башня есть какая-то некондиционная, но про это знает уже меньшее количество), то с Испанией, а то с самим Папой. Пока неожиданно для всех в тысяча семьсот шестьдесят восьмом году остров не оказался в руках у французов. И, что характерно, – это оказались, похоже, хозяйские руки. По крайней мере, судя по тому, что Корсика осталась французской и в двадцать первом веке. Или, может быть, потому, что там уже предстояло вскорости появиться на свет Наполеону? Потому что капитализма призрак по Европе рыскал...

Но и это еще не все.

Прежде чем Бонапарт появился на свет, на Корсике произошли весьма любопытные события...

Начать с того, что в тысяча семьсот тридцатом году на Корсике началось восстание против генуэзского владычества. Продолжавшееся практически до самого момента присоединения острова к Франции – или до рождения Наполеона в тысяча семьсот шестьдесят девятом, что кому-то может показаться и символичным, – почти сорок лет. В ходе этой многолетней войны там чего только не было. Достаточно, пожалуй, упомянуть, что за отчетный период на острове завелся даже собственный король. Теодоро I. Некий французский авантюрист Теодор фон Нейгоф, прибывший туда из Туниса на английском судне с грузом оружия в качестве «волонтера свободы» (почему именно французский – я так и не понял). Причем корсиканцы

преподнесли ему корону сами (хотя и по его просьбе). Король вполне честно пытался добиться помощи от европейских правителей. Но добиться ничего не смог и умер в полной нищете в Лондоне в тысяча семьсот пятьдесят шестом году. Забытый даже своими собственными подданными... В принципе – типичная судьба для всякого желающего основать династию: не каждому удастся, сев на трон, удержаться там... Но Корсика – жгла дальше...

В ходе этой «войны за независимость», которая заняла практически всю середину восемнадцатого века, – на политическую сцену Корсики выдвинулся клан Паоли. В лице младшего из представителей этого рода на тот момент – Паскуале. Офицера неаполитанской службы, на которую он попал, будучи сослан в детстве генуэзскими властями как неблагонадежный и определенный в военную школу... Генуэзцы в этом случае не могли придумать для себя ничего хуже. Потому что этот самый Паоли оказался весьма толковым офицером. И не менее толковым государственным деятелем. И быстренько заставил оккупационные войска убраться из глубины острова на побережье и запереться в портовых крепостях, не давая им оттуда носу высунуть. А потом и вовсе обнаглел до того, что захватил расположенный неподалеку в море островок Капрару и, базируясь на него, принялся резать генуэзцам морские коммуникации (благо, что Генуя расположена тут же неподалеку). То есть, в сущности, почти добился независимости для своего острова. Вот тогда-то отчаявшиеся генуэзцы и передали Корсику французам полностью и окончательно...

Но Паоли не растерялся. И с точно такой же решительностью, как до того сражался с генуэзцами, – ринулся в бой с новыми оккупантами (хотя они, вообще-то, уже несколько раз к тому моменту ввязывались в корсиканские разборки). Однако Франция была не Генуя... Здесь оказалось вам не тут... Против никогда еще не появлявшейся на острове двадцатитысячной регулярной армии с кавалерией и артиллерией немногочисленное и плохо вооруженное ополчение Паоли не продержалось и года. Хотя успело даже пару раз нанести французам поражение в битвах, но – силы были слишком неравными...

После этого Паоли почему-то решил, что надо воззвать к гуманизму и цивилизованности европейских стран. «Чего вы смотрите?! (ну, типа), – писал он в европейские столицы. – Нас же тут оккупируют!» Не отреагировал никто. И только уже после того, как в июне тысяча семьсот шестьдесят девятого (за месяц до рождения Наполеона) с тремя тысячами уцелевших у него солдат эвакуировался в Ливорно, – ему согласилась предоставить политическое убежище Англия...

Все это я изложил не просто так. Дело в том, что «слабохарактерный добрый семьянин» адвокат Карло Буонапарте числился у этого Паоли в ближайших соратниках. А сам Наполеон, по многочисленным свидетельствам, на этого Паоли едва не молился с самого раннего детства – как на освободителя родины...

А кроме того, учтем теперь, в каких условиях произошло рождение Наполеона и протекло его детство... Глухая дикая дыра на отдаленном острове? «Замкнутый, угрюмый мальчик»? Слабохарактерный папа-«юрист»? Вполне может быть все так... Но. Вспомним словосочетание: «послевоенное поколение». Причем совершенно без разницы – победой закончилась война или поражением (в данном случае вообще и тем и другим одновременно). Вот это нам обязательно стоит учитывать...

Запись вторая

Теперь уточненные данные по членам семьи «чудовища Буонапарте».

Отец:

Карло Мария Бонапарте. 27/29 марта 1746 – 24 декабря 1785.

Дворянин. Корсиканская ветвь генуэзских Бонапарте, прижившаяся на острове с восемнадцатого века.

Потомственный юрист. Окончил юридический факультет Пизанского университета. По-французски говорил и писал так же свободно, как по-итальянски.

По отзывам всех знавших его, с детства отличался высокими способностями и таким же высоким честолюбием. В Италии любил называть себя «Conte di Bouonaparte». Граф то есть. Обожа́л жить на широкую ногу. В общении был остроумным и обаятельным человеком. Всегда носился со множеством всяких гениальных идей и наполеоновских планов. Одна беда – из-за присущей ему безалаберности ни одного из этих планов не удалось довести до осуществления.

Активный сторонник и личный секретарь Паскуале Паоли (посылался им с дипломатическими миссиями в Париж и Рим). По некоторым утверждениям, автор всеобщей клятвы корсиканцев мая 1768 года, где они клянутся лучше умереть, чем покориться ненавистному гнету Генуи, а также сходной с ней прокламации к корсиканской молодежи. Член Национального Собрания Корсики – правительства то есть. После бегства Паоли в Англию не оставлял идей продолжения борьбы за независимость, но не встретив поддержки у окружающих (в том числе и у самого Паоли, сидевшего в Лондоне), резко переменял свой политический курс и пошел на службу французским властям. Как утверждают, причина была проста: надо было содержать семью, а без французского жалованья это было бы затруднительно. Но двурушничеством не маялся. Сменив флаг, последовательно вел себя по отношению к французам лояльно, подрывной деятельностью не занимался.

Поскольку на службу к французам он пошел одним из первых, то уже в 1771 году, благодаря дружескому расположению французского губернатора острова, графа Луи Шарля де Марбефа, Карло Буонапарте становится ассессором в Аяччо, а в 1772 году назначается членом корсиканского дворянского «Совета двенадцати». А в 1773-м – выступает как защитник Марбефа аж лично перед Людовиком XV. И блестяще оправдывает губернатора от предъявленных тому обвинений (что там было – установить толком не удалось. Видимо, какие-то финансово-хозяйственные недостатки). С Марбефом они, по отзывам, дружили. Причем со взаимной приязнью. Именно Марбеф помог выхлопотать вакансии на обучение детей Карло во Франции как французских дворян и был им крестным отцом. Карло же под покровительством столь высокого друга решил устроить на Корсике шелководческую школу, с помощью которой он хотел способствовать развитию на острове шелкового производства (чем дело кончилось – информаторы сообщить не смогли. Похоже, что тем же, что и всегда...).

Жить на широкую ногу не отвык до самой смерти. Еще несколько раз посещал Париж и встречался с королем – получая от короля в том числе солидные наградные суммы, но возвращался домой, что называется, без копейки. В то время как жена, жестоко экономя на всем, не знала, где найти средства на содержание семьи... Ну – вот такой вот шалопад...

Ходили, правда, еще слухи, что граф де Марбеф принимал такое участие в семье Карло Бонапарте по причине склонности к его молодой жене. И вроде бы даже являлся отцом ее старших детей (то есть и Наполеона нашего Бонапарта). И слухи эти не так уж беспочвенны... Во всяком случае с точки зрения более поздних времен. У Наполеона – светлые глаза. Не то голубые, не то серые – по-разному называют. А у обоих его родителей – темные. А наука генетика хоть и продажная девка империализма, но однозначно утверждает, что светлоглазого ребенка у темноглазых родителей быть не может. Сейчас этого еще не знают, но нам-то оно известно. А Марбеф был светлоглаз... Однако как раз относительно Наполеона отцовство де Марбефа выглядит весьма сомнительно. Ведь каждый желающий может на пальцах рассчитать, что зачатие будущего Чудовища Буонапарте Летиция и Марбеф должны были произвести как раз в тот период, когда между оккупировавшими остров французами и корсиканцами шла война не на жизнь, а на смерть. И представить, что Летиция, сопровождавшая мужа в рядах корсиканской армии, бегала через фронт (пешком по горам, да еще с малолетним Жозефом на руках) к де Марбефу для удовлетворения своей всепожирающей страсти, лично я не могу (так же как и обратные визиты галантного француза). Так что черт его знает – кто там внес свою

лепту в дело продления рода Буонапарте. Подозреваю, что этого уже никто не узнает никогда. Марбеф умер в 1786 году, переживя своего друга Карло всего на год, и никаких указаний по затрагиваемому вопросу не оставил. Летиция тоже не распространялась на данную тему. Да и вообще подобные измышления имеют обычно в своей основе банальное желание примазаться к знатной фамилии, чтобы скрыть адюльтер с соседом по деревне, в противовес действительному положению вещей. И лучше бы поискать кандидатуру в отцы Наполеона где-нибудь поближе – в рядах той же корсиканской армии. Это было бы как-то достовернее... Впрочем, для нас этот вопрос никакого интереса не представляет в качестве предмета разработки. Какой с него прок? Потому оставим тему историкам...¹

К слову сказать – чисто для историческо-анекдотической справки: по информации одного из осведомителей Падре, в том самом присоединительном походе французов на Корсику принимала участие княгиня Чарторийская – переодевшись в мужское платье, последовала за своим любовником и провела там всю кампанию...

Теперь немного о супруге родителя Наполеона...

Мария Летиция Рамолино.

Родилась в Аччо 24 августа 1750 года.

Дворянка. Корсиканская ветвь генуэзских Рамолино (интересно – там среди корсиканских борцов с генуэзской оккупацией был ли хоть кто-то не генуэзского происхождения?).

Образование – скорей никакое, хотя читать и писать умела. Ну – ничего удивительного для нынешнего времени...

УТОЧНЕНИЕ – ВАЖНО! ЧЕГО НЕТ У ТАРЛЕ: отец Летиции рано умер, и ее мать в 1757 году вторично вышла замуж за капитана швейцарского полка на генуэзской службе Франсуа Феша. От какового брака у Летиции в 1763 году появился младший брат Жозеф. Когда родители через несколько лет умерли, Летиция заменила Жозефу мать. Соответствует ли это реальностям нашего мира – сказать невозможно. Но принять в разработку – необходимо. Ибо со всеми членами семьи Бонапарте данное лицо пребывает в очень хороших отношениях. Будучи пока еще в достаточно молодом возрасте – ему нет еще и тридцати лет. То есть у Бонапарта есть вполне дееспособный дядя. Священник по образованию (был архидьяконом главного собора в Аяччо), после революции сложил с себя сан и занялся политикой. В настоящий момент, как и все Бонапарты, обретается на Корсике).

В 1764 году, четырнадцати лет, вышла замуж за К. Бонапарте, которому тогда исполнилось восемнадцать.

Родила тринадцать детей, из которых выжили восемь: пять сыновей и три дочери (по корсиканским меркам это не особо много. Скорее – средне).

Вот список детей (выживших) по старшинству:

Жозеф Бонапарт, год рождения – 1768;

Наполеон – 1769;

Люсьен – 1775;

Элиза – 1777;

Луи – 1778;

¹ Пишущему дневник Кобре вряд ли известно (ну кто там из информаторов станет так подробно излагать этикие мелочи? Но вот что самое любопытное – и среди настоящих историков этот вопрос, похоже, не всплывал нигде... А может, и всплывал – поскольку я смутно вспоминаю, что где-то что-то вроде бы упоминалось, но всерьез явно не принимается), но дело в том, что в ближайшем окружении Летиции и Карло Бонапарте в тот период действительно был человек калибра де Марбефа, могший положить глаз на отважную красавицу, выступавшую в рядах армии. А она вполне могла отнестись к нему благосклонно (да и Карло тоже). Дело в том, что Паскуале Паоли, по некоторым описаниям, был светлоглаз. Ага... Что называется – за что купил, за то и продаю. И у меня нет оснований считать, что Паоли был там один такой на всю Корсику. Но тем не менее совпадение настораживает. – А.Р.

Полина – 1780;

Каролина – 1782;

Жером – 1784.

(Более подробно о родственниках – смотри отдельный документ: лист шесть – семнадцать – одиннадцать).

По отзывам информаторов и людей, бывавших в те времена на Корсике, Летиция Бонапарте во время военных действий вела себя с исключительной храбростью. Имея на руках грудного Жозефа и готовясь вскорости к новым родам, верхом двигалась в составе армии по горным тропам острова, переправлялась через бурные реки и старалась не отходить ни на шаг от мужа, разделяя все трудности военной жизни. В финальной битве при Понте-Нуово Летиция не смогла принять участие (!) из-за слишком уже обозначившейся беременности, но зато вынуждена была бежать после проигранного сражения, спасаясь от преследования французами (та еще задачка для бабы на сносях). Через три месяца родился Наполеон.

Оставшись без мужа, с кучей детей на руках и практически без средств (на Корсике основной капитал – это недвижимость (то есть земля), а недвижимостью питаться не будешь), не отчаялась и не опустила руки. А отнеслась к своему положению очень ответственно. Практически сама вела все хозяйство, почти ни с кем не общалась, единственное, что позволяла себе, – пользоваться советами своего дяди Люченцо – тогдашнего архидьякона главного собора Аяччо. Но в ночь с 15 на 16 октября прошлого, 1791 года старик скончался. И в настоящий момент Летиция с семьей осталась существовать полностью на собственную ответственность. Что там происходит сейчас – сказать невозможно: сообщение с Корсикой плохое, там и в лучшие-то времена новости шли по месяцу во Францию и обратно. Но информаторы Падре обещают, если что появится, – написать еще в эту навигацию.

Запись третья

Собственно про Наполеона.

Ну, общие сведения в основном стандартные: родился на Корсике. Дворянин... Сведения о ранних детских годах скудные – что неудивительно: «Кому был нужен Робин?» А те, что есть... Ну кому интересно, что в целях обучения его хорошему поведению мать отдала малолетнего Наполеона в школу для девочек? И он там, судя по всему, превосходно себя чувствовал. Да, мне доводилось слышать версию, что Наполеон был девочкой, но стоит ли анализировать клинические случаи?

В 1778 году вместе со старшим братом Жозефом был помещен в колледж в городе Отене. Но там пробыл только три месяца, чтобы научиться говорить по-французски, после чего (так как, видимо, научился, хотя и успел заслужить от соучеников кличку Paille-au-nez: если буквально перевести на русский, то солома-в-нос. В принципе, можно ассоциировать с Чучелом, но тут, скорей, обычное детское коверкание имени ради насмешки: просто изуродовали само слово «наполеон», вывернув его наизнанку...) был отправлен в Бриеннскую военную школу, в которой проучился до 1784 года – пять лет, полный курс. Интересно отметить, что хотя, как ранее упоминалось, в школе он якобы был таким же нелюдким и раздражительным, как и дома, тем не менее есть и другие отзывы: к старшим классам курсант Бонапарт вполне сошелся с однокашниками и даже якобы был у них признанным лидером. А совсем уж неожиданно смотрится аттестация, данная ему одним из инспекторов военных училищ в восемьдесят втором или в восемьдесят первом году: «Мсье де Буонапарте (Наполеон) родился 15 августа 1769 г. Рост: четыре фута, десять дюймов, десять линий. Физическое состояние: превосходное. Характер: послушный (!), честный и признательный. Поведение – безукоризненное. Отличается прилежанием к математике. В истории и географии хорошо успевает. Будет превосходным морским офицером. Заслуживает принятия в военное училище в Париже». Замкнутый, угрюмый мальчик... В общем, именно в военное училище в Париже он и был переведен в 84-м.

Да не просто училище. А «Hôtel du Champ de Mars»... Как бы, если с нашими российскими аналогами сравнивать – Пажеский корпус. То есть учебное заведение для высшей аристократии. Наполеон и там неплохо себя показал. Но, к сожалению, проучился он в этом заведении недолго: в 1785 году умер Карло Бонапарте, и Наполеон решил взять на себя заботу о семье. С каковой целью добился досрочной сдачи экзаменов и выпуска в полк лейтенантом.

Собственно, это почти все.

Разве что кое-какие моменты стоит выделить отдельно.

А именно:

«Наставником» (из старших кадетов, по традиции школы) в Бриенне у Бонапарта был Пишегрю – тот самый, который сейчас генерал... Правда, непонятно, что данный факт может нам дать.

И там же, в Бриенне, Наполеон обзавелся другом. Неким Луи-Антуан-Фовеле де Бурьеном (эта фамилия упоминается Тарле в описании последующих событий. Надо сказать, не очень внятно...). Подружились они на почве математики: Бурьен был единственным среди курсантов, чьи способности оказались сопоставимы с наполеоновскими. Явно надлежит взять в разработку. Сейчас он, кстати (согласно все тому же Тарле), должен быть вместе с Наполеоном в Париже.

В Парижской же школе Наполеон вроде как сдружился с неким де Мазисом, бывшим там его «наставником» (по тому же принципу, что и в Бриенне. Но после революции тот эмигрировал и в качестве объекта разработки интереса не представляет...)

Еще, пожалуй, следует отметить, что в Бриенне учителем математики был Монж – известный ныне математик и деятель Французской революции (хотя, по другим отзывам, – его брат... Кому верить?). А в Парижской школе преподавал Лаплас, также отметивший способности курсанта. Но, опять же, – что это нам дает?

Для прохождения службы Наполеон угодил в полк «La Fère», расквартированный в Валансе. Как ни странно, ничего внятного об этом периоде информаторы Падре сообщить не смогли. Ну – полк один из лучших... Ну да, там служил Наполеон Бонапарт. Да, неплохо себя зарекомендовал. А более ничего нет. Обычный молодой офицер. Такой же, как все... Вот что значит – не быть еще великим человеком! Кому ты интересен? «В деревне парень был рожден...»

Разве упоминание, что именно там фигурант страстно увлекся трудами Руссо, имевшимися в книжной лавке по соседству с его квартирой.

В 86-м полк участвовал в подавлении восстания ткачей в Лионе, но никаких подробностей касательно Наполеона по этому делу нет.

А осенью Наполеон получил полугодовой отпуск и уехал на Корсику.

Откуда вернулся только через два года (что само по себе нечрезвычайно: традиция продлевать отпуска по семейным обстоятельствам либо по состоянию здоровья была широко распространена). Правда, успев в промежутке побывать в Париже по делам семьи. Дойдя в этом деле даже до министра финансов. Но толком ничего не добился. Кстати – речь шла о той самой школе шелководства... По наследству доставшейся Наполеону от родителя. И что, спрашивается, имел в виду Тарле под словами «привел в рентабельное состояние»? Впрочем, полученная информация тоже полнотой не отличается...

Летом 1788-го Наполеон вернулся, наконец, в полк, который как раз к тому времени был расквартирован в Оксоне (это, кстати, в Бургундии – удалось все же выяснить). И здесь, как ни странно, – тоже никаких особых сведений о нем не поступило. Разве что Бонапарт очень усиленно занимался артиллерийскими науками, пользуясь базой размещенной в Оксоне артиллерийской школы, и для всего лишь лейтенанта добился значительных успехов и зависти даже от старших сослуживцев.

Один раз у него едва не дошло до дуэли с соседом-офицером, квартировавшим этажом выше, – по причине того, что сосед постоянно играл на валторне (ну почти: «В нашем доме поселился замечательный сосед...»). Только вмешательство офицерского собрания разрулило инцидент. Важно ли для нас это?

Еще многие отмечают, что этот период жизни был у Бонапарта самым тяжелым: в описании его одежды появляется слово «неряшливая». Тем не менее, по многим свидетельствам, молодой лейтенант вполне регулярно вращался в местном высшем свете и пользовался определенным успехом – даже танцевал. И как тогда понимать: «Совершенно был лишен возможности появляться в обществе...»? Вот и верь после этого историкам...

Между тем шел 1789 год.

И во Франции стала начинаться революция...

Впрочем, поначалу-то ее приняли за бунт. В частности, в Бургундии весной местами начались беспорядки в связи с ростом цен на хлеб. Было убито несколько хлеботорговцев. Для наведения порядка были задействованы силы полка «Ла Фер». И здесь, пожалуй, Бонапарт впервые проявил себя в деле. Если так можно сказать... По стечению обстоятельств (командир подразделения капитан Гозьер был назначен куда-то в другое место, а другие старшие офицеры кто в отпуске, кто еще где...) командовать воинской командой, посланной в городок Серр, был назначен Наполеон. И не подкачал. Когда на городском рынке собралась возбужденная толпа, вознамерившаяся устроить торговцам веселую жизнь, лейтенант Бонапарте вывел своих солдат под барабанный бой. Скомандовал целиться, а потом обратился к толпе: «Граждане, я имею приказание стрелять только в негодяев, порядочные люди пусть скорее уйдут!» Как ни странно, это прекрасно подействовало: все порядочные люди моментально разбежались, и на площади не осталось ни одного негодяя. Так что даже и стрелять не пришлось... Все были очень довольны. Правда, потом случай пострелять все же выдался. Причем – непосредственно в Оксоне, где тоже вспыхнули волнения пару месяцев спустя, в мае. Но наш герой и там справился успешно. Так что у Наполеона, пожалуй, имелись кое-какие реальные предпосылки к критике короля во время знаменитого «похода на Тюильри»: «Смести пушками 500–600 человек – остальные разбежались бы!» Кстати: это как раз сейчас в Париже и происходит... Проклятая техническая отсталость! Увы, в Париже никого столь же решительного не нашлось. Точнее, нашлись – но с другой стороны... 14 июля 1789 года восставший народ штурмом взял Бастилию, освободив семь содержащихся там заключенных. И над Францией повеял ветер свободы...

В частности, в Оксоне это выразилось в том, что солдаты полка «Ла Фер» – только что успешно подавившие беспорядки – сами взбунтовались. Силой отобрали у полковника полковую кассу и гульнули не хуже русских на халяву. Впрочем, в тот момент по всей Франции творилось то же самое. Плюс восстания крестьян, спешивших самостоятельно решить вопрос о справедливости, не дожидаясь постановления из столицы... После чего 4 августа аристократия и духовенство отказались от своих феодальных прав. Что вызвало новый всплеск революционного энтузиазма. Вылившийся 23 августа в принятии полком «Ла Фер» присяги Национальному Собранию – вслед за остальными войсками. В общем, оторвались не по-детски... Правда, Бонапарта на тот момент в полку уже не было. Девятого августа он ушел в отпуск по состоянию здоровья. И уехал на Корсику. Ему исполнилось ровно двадцать лет.

Информация о событиях на Корсике тоже не самая полная. Впрочем, это понятно – сообщение с островом достаточно затрудненное. Но если говорить в общем плане, то происходившее там больше всего ассоциируется с шизофренией. Корсиканцы – столько лет непреклонно боровшиеся за свободу (в том числе и от французов) – внезапно точно сошли с ума. И практически все как один увидели свет этой самой свободы в присоединении к Франции! Только решить никак не могли: быть ли им под властью королевской администрации или же избрать собственное Национальное Собрание. И даже вернувшийся из эмиграции Паоли (а он ехал

два месяца торжественно через Францию, произнося благодарственные речи перед Конвентом и Королем (!) оказался стоящим на той же самой позиции. Как сам он выразился в своем выступлении перед Конвентом: «Вся моя жизнь была непрестанной присягой только свободе! Кажется, будто я принес ее Конституции, созданной вами. Теперь мне остается только принести ее нации, которая меня приняла, и также и монарху, которому я принес свою благодарность!» На что ему не менее вразумительно ответил сам Робеспьер: «Да, было время, когда мы старались подавить свободу... Но нет! В этом преступлении повинен лишь деспотизм. Французская нация исправила свою ошибку!.. Благородный гражданин, вы защищали свою свободу в то время, когда мы еще не решались о ней думать!» Что называется – «аффары жгут напалмом!»

В этом дурдоме Наполеон отличился на уровне самых мощных пациентов. Не успев толком ступить на берег с борта корабля, он тут же обрушился на своих соотечественников с обвинением, что они еще ничего не предприняли для своей независимости, между тем как во Франции, во всех городах, образовались уже комитеты для защиты народа и его интересов. И без промедления принялся раздавать всем встречающим... трехцветные кокарды. Ну кто скажет, что это не шизофрения? Дальше – больше... Развернув бешеную агитацию, Наполеон с помощью братьев (Жозефа и Люсьена) и родственников (мы ведь помним, что из себя представляет общество Корсики) сколотил мощную партию «патриотов», противопоставившую себя партии «роялистов». Причем и те и другие были за присоединение к Франции! Но и это еще не все. Декларативно заявив: «Если чиновники присваивают себе власть, противоречащую законам, если депутаты, не будучи на то уполномочены, от имени народа говорят против воли его, то гражданам позволено собраться, протестовать и оказать сопротивление гнету!» – Бонапарт вопреки запрету властей создал народную милицию и, опираясь на ее вооруженную силу, захватил столицу острова – Бастию – и в результате этих действий извещенное о них Национальное Собрание приняло постановление, что остров Корсика является частью французского государства!.. По-моему, театр абсурда... Причем все это он проделал еще до приезда Паоли...

С Паоли же у Бонапарта, по дошедшим отзывам, не возникло никаких вообще разногласий – так что непонятно, что имел в виду Тарле. Наоборот: Наполеон показал себя ярким сторонником Паоли и даже блестяще защищал его от нападков роялистов. А Жозеф Бонапарт вообще стал президентом округа Аяччо... Вот и верь после этого историкам. Или – это наше появление вносит искажения в исторические события? Или мир этот не совсем наш? Жаль, полномасштабной статистики для сравнения у нас нет...

Во всяком случае, когда Наполеон в конце девяностого года решил вернуться во Францию, ни о каких проблемах для него на Корсике не было и речи. Просто, по сообщениям информаторов, ему не продлили в этот раз отпуск, и таким образом ему грозила опасность оказаться дезертиром. Так как отсутствовал он опять почти полтора года...

С собой Наполеон привез младшего брата Луи. По некоторым данным, он собирался пристроить его в Бриеннскую школу. Но добиться вакансии не удалось, и Бонапарт, не размышляя долго, просто поселил его у себя в полку и занялся его воспитанием и обучением лично. Причем, как сообщают информаторы, с такой суровостью, что двенадцатилетнего Луи жалели все окружающие. Что, впрочем, не производило никакого впечатления на Наполеона – он продолжал свои усилия без всякого ослабления. Мотивируя это тем, что, как он объяснял: «Луи, безусловно, будет лучшим из нас четверых! Ведь никто из нас не получал такого хорошего воспитания, как он!» Впрочем, в тот момент он вообще, по отзывам, исповедовал крайне радикальные философские взгляды на жизнь. В частности, решительно отрицал любовь и открыто мечтал, чтобы какая-нибудь добрая фея освободила бы человечество от этого явления... При этом он, как уже упоминалось ранее, зачастую обедал одним куском хлеба. Работал по пятнадцать часов в сутки, спал очень мало и занимался среди солдат политическим просвещением: читал им газеты и разъяснял политику партии и правительства...

В июне его произвели в старшие лейтенанты и перевели в четвертый Гренобльский артиллерийский полк, расквартированный в Валансе – месте, ему уже знакомом. И буквально чуть не по приезде он был избран там секретарем и библиотекарем Клуба общества друзей Конституции, где всех покорила своими речами. Причем пыл его революционного энтузиазма был таков, что командир полка даже жаловался военному министру на «опасного, несдержанного офицера-якобинца» (странно: Тарле почему-то утверждает, что Наполеон отличался редким косноязычием и речей произносить не умел...). Похоже, что у Бонапарта попросту сорвало крышу на революционной почве. Хотя, с другой стороны, некоторые информаторы отмечают, что в тот период в связи с попыткой бегства короля и полным переподчинением армии Национальному Собранию и принесением по этому поводу новой присяги в полку резко усилилась эмиграция и стало резко не хватать офицеров. И таким образом у Наполеона – как активного революционера – был шанс попросту продвинуться по службе для получения более высокооплачиваемой должности. Так ли это – сказать затруднительно... Тогда же, кстати, Наполеон участвует в конкурсе Лионской академии на тему: «Описание чувств, которые должны быть преимущественно вселяемы в людей для их счастья», написав и отправив соответствующий трактат – но результаты информатору неизвестны... И тогда же, что любопытно, развивал идеи о том, что войны в ближайшее время не будет. И решительно на этом настаивал. Для военного гения, отметим, очень странная позиция – тем более что до войны оставались буквально считанные недели: армия генерала Дюмуре уже поперла через северную границу...

Но при этом – практически одновременно! – Наполеон подал военному министру докладную записку о необходимости вооружения Национальной гвардии Корсики артиллерией, где недвусмысленно выразил желание лично заняться этим вопросом. Как ни странно, докладная имела некоторые последствия: под это дело Бонапарт умудрился получить трехмесячный отпуск и уехать домой буквально за несколько дней перед тем, как военное министерство издало приказ о том, что в связи с началом войны с Австрией все отпуска запрещены.

В дальнейшем же, вообще, складывается впечатление, что Наполеон вознамерился порвать с Францией. В частности он не вернулся в полк по истечении отведенного ему отпуска. А что было еще хуже, он откровенно игнорировал устроенный в январе 1792 года общий смотр войск по поводу войны с Австрией. Каковой поступок автоматически ведет к исключению офицера из армии. Но Бонапарта это, похоже, совершенно не заботило. Он остается на Корсике и ведет усиленную борьбу за получение должности командира Национальной гвардии, выборы на которую должны были состояться весной текущего (т. е. этого, 1792-го) года.

И вот незадача: именно тут присланная корреспондентами Падре информация заканчивается: до них просто еще не успели дойти вести с Корсики. Как говорится, на самом интересном месте!

Часть вторая

Трудно быть Бонапартом

Пить, курить и говорить по-русски я начал одновременно.

© *Наполеон Бонапарт*

Глава первая Зима в Париже

*«Сейчас по Нью-Йорку холодному,
А может быть, по Лондону,
А может, по Мюнхену бродит он,
Смоленский мальчишка Иван!»*
Л. Дербенев, «Смоленский мальчишка»

1

Знаете ли вы, что такое зима в Париже?

Нет – вы не знаете парижскую зиму!..

Сопли и слякоть – вот что это такое. Сверху падает какая-то мокрая дрянь, снизу хлюпает мокрая грязь... А посередине хлюпают сопли в носу... А иногда все это еще и замерзает ледяной коркой.

И еще ветер... В кривых парижских закоулках он дует, кажется, даже когда стоит штиль. Причем со всех сторон сразу. Неожиданно набрасывается из-за углов, обрушивается с крыш, в относительно прямых переулках завывает, как в аэродинамической трубе...

Вечером и ночью город вообще превращается в какой-то лабиринт... Бесформенное нагромождение каменных плит, углов, нависающих верхних этажей с черными провалами окон, едва освещенными огнями свечей (да и то далеко не везде). В темноте вдоль стен крадутся невнятные тени – то ли собаки, то ли бандиты, то ли вовсе невесть кто, а может, и вполне добропорядочные обыватели, всего лишь вынужденные поздно возвращаться домой. Поди разбери...

На площадях и пустырях горят костры. Чтобы дать возможность согреться бездомным. Очень странно – в разномастные обноски – одетые люди жмутся к огню: мужчины, женщины, дети... С не менее странно одинаковыми лицами – угрюмыми, обезображенными нуждой... Откуда они, кто они? Не спрашивай, если не хочешь услышать в ответ то, что тебе не понравится. Или вовсе ничего не успеть услышать кроме звука ножа, входящего в твою плоть... Опасно ходить по Парижу ночью в год от Рождения Христова одна тысяча семьсот девяносто четвертый. От начала же Великой революции – третий...

И тут же рядом, в богатых кварталах, но словно в каком-то параллельном мире, в альтернативной истории веселый смех. Свет в ресторанах, музыка, рукоплескания в театрах, балы до утра с шампанским и оркестрами в роскошных особняках. Очаровательные женщины, по недавно вошедшей в употребление античной моде одетые в туники из прозрачного муслина, разъезжающие в богато убранных каретах и фиакрах... Утонченные разговоры в светских салонах... Райская жизнь! Откуда это все? А оттуда же – от Революции. Это победивший народ потребляет завоеванные блага через своих представителей. Кому, как известно, – война, а кому – мать родна... Из получивших право бесконтрольно распоряжаться огромными государственными деньгами – редкий человек не удержится, чтобы не откусить кусочек... Много ведь – не убудет! Если был ты до того всего лишь каким-нибудь адвокатом или простым капитаном в отставке – какой аппетит ты нагулял за предыдущую небогатую жизнь!.. А во время еды аппетит, известное дело, имеет тенденцию к увеличению... Вот и сносит крышу у дорвавшихся до БОЛЬШИХ попилов и откатов: а ну, еще давай! А куда бешеные деньги тратить? Тоже ясно – на то, чего раньше не хватало: на пропой да на баб...

Так всегда было – во всех странах и во все времена. И при Робеспьере – при страшном Терроре – тоже было. Только не столь откровенно. Не любил этого Робеспьер. Потому и не высывались. А сейчас – радость: Кровавое Чудовище прикончили! И не давит больше никому в Конвенте и комитетах душу круглосуточный страх: на кого сегодня обрушится с обвинением Неподкупный? Несмертельно стало быть депутатом или членом правительства. Вот и гуляет народ – живы, слава тебе, отмененный господи!..

А еще мода распространилась среди богатой молодежи... Одеваться в вычурные одежды цветов королевского дома, носить несуразные прически «жертва» и «висельник» – как убирали волосы у приговоренных к казни: затылок выбрит, а по бокам космы – и душиться мускусом, как это было популярно при последнем короле. От этого и название – «мускадены». Их не так уж и много – не более нескольких тысяч. Но им не надо корячиться за корку хлеба. У них вдоволь еды, вина и одежды. И свободного времени. Поэтому они могут позволить себе сидеть в кофейнях у Пале-Рояль. И рассуждать о необходимости возвращения нормальной власти.

А еще они могут – драться с санкюлотами. Вид этих щеголей нелеп до смешного, но сами они отнюдь далеко не смешны. Особенно их залитые свинцом суковатые палки. Используемые в качестве решающего аргумента в политических спорах. За прошедшее с девятого термидора время они немало успели. Например, вытеснить санкюлотов с улиц в их предместья. Дабы видом своим глаз приличной публики не оскверняли. Разогнать Якобинский клуб. Сейчас подбираются к тому, чтобы выкинуть из Пантеона тело «друга народа» Марата. Не дай бог прохожему появиться перед ними во фригийском колпаке. Или показаться в их глазах якобинцем – как их теперь называют «террористом» – вполне могут и забить насмерть. И даже картавят все как один по простой причине – ненавидят букву «эр», потому что с нее начинается слово «революция». И воротнички у них черные, потому что траур по убиенному Людовику XVI.

Как сказали бы в другой стране и в другом от нынешнего времени, тенденция, однако...

2

Мимо всего этого паноптикума, по осклизлым булыжникам мостовых тащится худой коротышка с запавшими щеками, в драной шинели и заношенной треуголке... Смешно: так и не собрался завести себе новый мундир... И все остальное. Да и когда было? Зато теперь хорошо: ничем не отличается от толпы прочих бомжей на улицах столицы революционной Франции – не стыдно выйти из дома...

По крайней мере, не ограбят.

Хотя посмотрел бы я на того, кто на подобное отважится. Даже мускадены не пристают. Ибо взгляд у заморыша такой, что редкие встречные шарахаются, принимая его, видимо, за ненормального. И неудивительно: ему самому страшно бывает глядеть в зеркало – таким жутким огнем горят его глаза!

А в чем дело-то? Да вот в том, что: «Никак не ожидал он такого вот конца! Что вот придет лягушка – и съест вот кузнеца!...»

Н-да... И с тех пор в хуторке уж никто не живет... Лишь молодая вдова – зво-онко песни поет!..

Шизофрения у нас с Наполеоном натуральная. Оттого, что ДОЛЖНО БЫЛО БЫТЬ, и оттого, что НА САМОМ ДЕЛЕ вышло... Причем он меня едва ли не за трепача считает. Во всяком случае, снова всерьез задумался – не глюк ли я. Того и гляди, бунтовать начнет. А бодаться с собственным подсознанием – это, доложу я вам... Ну, кто смотрел «Игры разума», тот может представить себе весьма мягкий вариант... А у меня и без того от всего происходящего шарики за ролики заходят. Потому как почти дословно по стишку Вадима Шефнера получилось: «Торопились в санаторий – а попали в крематорий!...» Ибо я совершенно точно – ТАКОЙ задницы в жизни Наполеона не помню. Не читал, не видел в фильмах и никогда даже

не слышал. По моим прикидкам, я сейчас – в смысле Наполеон в нашей истории! – должен Италию завоевывать. А вместо этого?! Инженер Зворыкин торгует на «Сухаревке» спичками!.. Куда уж дальше... Даже назначение в Вандею еще как-то укладывалось в рамки возможного, но после всего, что вышло...

Нет – я совершенно очевидно, не в нашей истории. И даже представить не могу почему. В смысле – где расхождение. То ли здесь Робеспьера раньше времени скинули – хотя и у нас я помню как раз «термидор» – то ли у нас Наполеон с ним знаком не был... Может, у нашего Робеспьера вовсе не было никакого брата? Или тут сам Наполеон другой? Черт его знает. Легче легкого от такого когнитивного диссонанса тронуться умом даже более нормальному человеку, чем любой из нас. Заключенных в одной черепной коробке... Вот мы потихоньку и трогаемся. Каждый в свою сторону. И остановимся или нет – неизвестно...

Но что хуже всего – оба мы с Наполеоном словно в глухую стену мордой уперлись...

Ибо никому на фиг не нужен маленький корсиканец.

И ладно бы – никому не был бы нужен несостоявшийся кандидат в императоры. Мне он и самому, если честно, – не особо требуется... Но генералы-то на улице не валяются?! По крайней мере, толковые! Тем более – когда война идет! А я – ну пусть Бонапарт! – толковый! Наполеон ведь не только Тулон взял. Но, будучи командующим артиллерией итальянской армии, участвовал в штурме еще нескольких крепостей в Лигурии. И, по крайней мере, успешное взятие Онельи – его рук, точнее, мозгов, дело. Да, собственно, и сам-то план всей кампании был составлен им. Мной, то есть. Ну – я же знаю из памяти Наполеона!..

И что? Да совершенное ничего! Как в танке... Так что чем дальше, тем больше у нас обоих с Бонапартом укрепляется впечатление, что то назначение в Вандею было и в самом деле штрафным. С билетом в один конец. Как для недобитого якобинца – в компании с другими такими же. Ибо настолько глухо... ВО ВСЕХ ИНСТАНЦИЯХ. Комбригов – не требуется ни в одну из действующих армий (ага, прям счас – чего тогда полковников назначают?). Дивизию мне никто не даст – комдивов и без меня хватает – это я и сам понимаю. Полк... Чтoб генерал полком командовал?! Ну, ясное дело... Даже и к дивизиону артиллерийскому никто не подпустит. В штаб к кому-нибудь? Так там все свои да наши... Дюгомье меня бы взял к себе обратно, может быть... Мы с ним хорошо сработались под Тулоном... Да вот беда – в ноябре еще, пока я, озверев, бегал по инстанциям, старик погиб под Сан-Себастьяном. А всем остальным до меня, как до одного места – кто еще такой?! К кому только я – ну Наполеон, но какая, к черту, разница?! – не обращался... Даже у Барраса был несколько раз. «Зайдите на днях – я попробую что-нибудь для вас придумать, гражданин Бонапарт!..» До сих пор придумывает. Похоже, он просто забывает о моей персоне тут же после моего ухода... Так что теперь я к нему уже не хожу – надоело.

Друзья и знакомые – а их у Наполеона в Париже не так уж и мало! – тоже ничем не в силах поспособствовать. Те, кто связан с военным ведомством, только руками разводят. Лишний раз убеждая меня в моих подозрениях. А те, которые гражданские... Вот Франсуа Тальма – глава Театра Революции, ни много ни мало! – предлагает поступить в труппу... Говорит, есть актерские данные. Ага... Ясен пень, есть – попробуй-ка покомандовать толпой в несколько тыщ рыл так, чтоб тебя слушали!.. Только на кой черт мне это нужно? В театр на спектакли я и так свободно проходить могу – как друг директора... А статистом каждый вечер в массовке... За что, спрашивается, царский трон расшатывали? И какие там деньги у начинающего актера?

А шамать-то, между прочим, каждый день хочется... Я и так уже перешел на десятиразовое питание. В смысле – десять раз в декаду. Потому как по революционному календарю вместо семидневной недели ввели десятидневку. Этой самой декадой называемую... А скоро, чувствую, и на трехразовое перейду: денег-то нет... А еще ведь надо и за дрова платить – холода потому что, будь они неладны! И мундир новый где-то брать необходимо. Ибо этот того и гляди развалится – я уже латать замаялся.

Вот такая вот она, наша парижская зима. Романтическая.

3

В общем – кусать осень хосетса.

Только вот той картошки, которую можно было бы сегодня выкопать, я вчера не посадил.

Смешно. Но вакуум в желудке ощущается буквально физически – как сосущая пустота. Черная дыра, блин. Неприятное состояние. Я даже курить от этого начал... Наполеон-то некурящий был до сих пор. Ну и я вроде поддерживал его в том. Даже когда с бригадой напрягались, не нарушал здоровый образ жизни. А сейчас вот задымил. Просто по прежнему опыту знаю – помогает. Покуришь – оно и есть как-то меньше хочется. Да и занятие с трубкой дополнительное: чубук прочистить, пепел из чашки вытряхнуть. Набить, примять табак не спеша... Кресалом об огниво постучать. Отвлекает. Да и, опять же, всегда мечтал курить трубку. Да никак не получалось. Вот теперь сбылась мечта идиота...

Думать, опять же, помогает тоже. Настраивает на такую созерцательность. И Наполеона, как пассивного курильщика, малость дезавуирует... А то он такого громадьи планы генерирует!.. Буквально наполеоновские. Я ведь поминал уже, что прожектор он жуткий? Причем совершенно оторванный от жизни во всех областях, кроме военной. Хотя и там, похоже, обстоит точно так же. Только в военном деле его абстракции в строку идут. В отличие от реального быта... Вот представляете, ЧТО он посчитал наиболее доходным бизнесом в наших условиях? Книготорговлю! У меня слов нет... Я сам человек книжный – как и Наполеон, кстати, – и люблю книгу, источник знаний, да... Но зарабатывать на книготорговле в революционном Париже в одна тысяча семьсот девяносто четвертом году?! Не имея ни копейки стартового капитала... Это надо быть очень сильно не от мира сего...

Кстати сказать, один раз подобный по мощи план обогащения Бонапарт уже разрабатывал. Причем практически в точности в такой же ситуации... В девяносто втором... Когда так же сидел в Париже без копейки денег и дожидался нового назначения. Они с его однокашником и приятелем Бурьеном придумали – и даже начали осуществлять! – грандиозную аферу... Они решили заделаться жилищными арендаторами: снять несколько домов и сдавать квартиры внаем... Опять же – не имея никаких средств! Дети малые... Сейчас история буквально повторяется. Только вместо Бурьена в качестве такого же бестолкового компаньона выступает Жюно. Адьютант мой ненаглядный... Специально в Париже остался! Сам. Слинял, блин, из бригады под предлогом болезни и сейчас болтается так же, как и я... как то самое, в проруби... Дурашка. Но – вот такие вот времена и такие вот «о, нравы!». Приходится считаться.

Толку от него... Впрочем, это я нехорошо про парня. Когда у него есть деньги – а у него отец достаточно богатый лесоторговец – он меня кормит. А когда нет – папаша-то у него хоть и богатый, но сыну много не дает, только-только на содержание – мы дружно кладем зубы на полку... Ну, иногда начинаем ходить по моим – ну, Наполеона! – парижским знакомым в гости: обедать... А на днях я убедился, что и этот верный паладин – точно такой же манилов, как и его сюзерен... Жюно ни много ни мало – и ничуть не смущаясь нашим положением – попросил у меня руки Полины, средней из сестер Бонапарта! Я обалдел просто... Девке – четырнадцать лет! Какой, к черту, замуж?! Ну ладно – как я говорил уже – времена тут такие... Черт с ними! Но за кого?! Нет – против Жюно ни лично я, ни лично Наполеон ничего не имеем... Скорее даже имеем за... Но... У меня для Полины приданого – вошь в кармане да блоха на аркане. Папаша Жюно – тоже шиш чего даст молодым – я его уже достаточно знаю. И на что они жить будут? Пришлось вылить на голову этого Ромео ведро холодной воды. Фигурально. Изложить ситуацию трезвыми формулировками, заставить подумать. Предложить подождать более благоприятных времен. Про то, что думает по этому поводу сам предмет страсти, я уж спрашивать не стал: что бы она ни думала – какой с девчонки в ее возрасте спрос?

В общем – вот так и живем... Мы с приятелем вдвоем...

А того хуже – я ничего не могу семье послать. Ну совсем. Ибо нету.

Вот и приходится послать только письма. Бодрые. Что вот-вот получу должность и все наладится. Что есть вероятность участвовать в некоем финансовом мероприятии... Что, наконец, у меня просто все хорошо. Беспокоиться обо мне не надо. Вчера я обедал у госпожи N (действительно там был, только не обедал, а пытался провентилировать возможности получить место в Восточной армии через ее мужа – хрен там...). Сегодня был в театре, смотрел игру великого Тальма. А завтра у меня запланирована лекция по астрономии в Обсерватории у самого господина Лаланда. Ну вот причуда такая у Наполеона (да и у меня тоже!) – любовь к астрономии! И между прочим, Лаланд – действительно тот самый Лаланд... С ума сойти! Отличный старикан – ему за шестьдесят уже, но голова варит превосходно: боюсь, что некоторые мои вопросы и продемонстрированные с помощью знаний Бонапарта математические расчеты ему показались странными, да... В частности, с Ураном я лопухнулся... Он же открыт уже! Гершелем. Ну я и брякнул... А оказывается, НИКАКОГО УРАНА НЕТУ!!!! Есть Звезда Георга – так Гершель назвал планету в честь своего аглицкого короля. Есть и другие варианты названия... Устоявшегося пока не придумали. Сам Лаланд предлагает называть новое тело Солнечной системы Гершелем. А тут какой-то корсиканец... Я с перепугу едва язык себе не откусил. Хорошо, старый астроном списал все на мою необразованность. Так что я теперь по большей части помалкиваю... Я пару раз даже на ночь там оставался, когда погода была ясная: в телескоп посмотреть... Ну и помочь чем могу. Вот только смеяться не надо: Наполеон вполне себе приличный математик, не в пример мне!.. И между прочим, там меня подкармливают – в отличие от всех этих госпож N. В общем – все зашибись. Жизнь бьет ключом. И все по темечку, по темечку...

Для этих писем я Наполеона в дело пускаю. А то самому как-то все еще стремно: ляпну вдруг чего не так – и привет, решат родные, что меня подменили. Да и явятся лично разбираться... А оно мне надо? Я даже к Жозефу, который сейчас в Париже поселился с женой, стараюсь не заходить. Так – встречался с ним пару раз мимоходом. Несвязно пробубнил что-то о нежелательности контактов и даже обедать к ним не хожу. Хотя уж там-то накормили бы без особых проблем. Вот только вопросы могли б возникнуть. Всякого семейного плана. А я на них пока что ответить не готов... Смешно, но эта толпа бонапартовых родственников меня все еще пугает. Так что я даже рад, что есть повод с ними не видаться.

Вот такая вот, как говорится, се ля ви.

Глава вторая Ке фер?

*«Что делать?»
Приписывается Чернышевскому*

1

Но делать и в самом деле что-то надо. А то ведь так и загнуться недолго...

Что вот только?

И не в том беда, что у меня предложить нечего... Я достаточно вспомнил, чего сейчас нет. И не о паровых двигателях, и не о нитропорохе речь... Тут простых бытовых вещей столько можно в дело кинуть – только держись. Консервы, например. Нет их здесь! Вообще. Как факта. Или, например, сгущенное или сухое молоко... А еще консервы можно делать с подогревом – там абсолютно ничего сложного нет. Можно было бы пустить в дело такую штуку, как женский лифчик, – тоже здесь отсутствует напрочь! Заодно с поясом для чулок... (не фиг смеяться: весьма нужная вещь!). Или самовар изобрести – здесь их тоже еще нет. Или – чипсы на рынок выбросить... Была мысль – осчастливить человечество керосиновой лампой... Ну, хотя бы масляной – но такой же конструкции. Но оказалось, что эту штуку уже изобрели... Швейцарец Франсуа Арганд. Практически в готовом уже виде. И так и называется – аргандова лампа. Пользуется немалой популярностью. Ну, ясное дело, – у тех, кто побогаче!.. Я даже из чего гремучую ртуть делают, вспомнил. И как простейшую электрическую батарею собрать... И как генератор сделать... Из чего автоматически следуют телеграф (оптический здесь уже есть), телефон, электродуговое освещение... И даже радио. Уж схему-то передатчика/приемника Попова слепить можно хоть на коленке... Хотя это уже следующий уровень. Но в любом случае – много чего можно тут внедрить в жизнь. Проблема не в этом.

И даже не в том, что у меня стартового капитала нет – что-то можно было бы и придумать.

Главная засада в том, что во Франции сейчас нет экономики. Тоже – как факта.

То есть она есть... Но это такая экономика...

Позапрошлой осенью – в сентябре девяносто третьего – якобинский Конвент заморозил цены на хлеб. И еще на кое-какие продукты первой необходимости... Из исключительно благих намерений! Но что значит в КРЕСТЬЯНСКОЙ стране установить низкие цены на хлеб? А это значит, что производители перестанут его продавать. А в крестьянской стране хлеб – это основа всего хозяйства. Падает хлебный рынок – падает и вся экономика. Меня в свое время весьма поразила история про то, как Мизес – известный австрийский экономист – году где-то в двадцатом предотвратил в Австрии гражданскую войну. Он на пальцах буквально сумел объяснить какому-то министру социалистического правительства (а в Австрии тогда социал-демократы к власти попали – после распада двуединой монархии Габсбургов), сидючи у того дома на кухне, – ага... что хлебную монополию вводить нельзя. Именно по той самой причине, что такая мера убьет весь хозяйственный механизм государства и тогда за хлебом придется посылать вооруженные отряды... Вот это самое во Франции и приключилось. Большевики в данном вопросе были отнюдь не первые. И даже не вторые... На эти грабли кто только не наступал на протяжении писаной истории...

В этой ситуации как-то существовать могли только крупные субъекты. В данном случае – само государство и землевладельцы-латифундисты. Оптовые производители. Их масштабы сделок спасали. А всем остальным – как бы не девяноста процентам населения – пришлось лапу

сосать. Или заниматься спекуляцией... Спекулянтов же известно куда решено было определять: на гильотину – чтоб не наживались. А спекулянтом в этом случае оказывается любой, кто в обход соседей исхитрится как-то ДОСТАТЬ своей семье хлеба, чтоб хватило досыта. Совершенно официально, ничуть не подкопаешься, сделать такое можно только какой-то махинацией. Вот и пожалте за это бриться... А уж если ты, скажем, булочник... Булочнику обязательно какой-то резерв нужен. Не все ведь в печь отправлять... И, опять же, свой интерес – не задарма же работать? Надо ведь не один только черный хлеб выпускать, но и знаменитую французскую булку... А у кондитеров и вовсе завал – и торты, и пирожные, и прочих тридцать три удовольствия... (с этим – вообще анекдот... Цены-то заморозили – но всякую роскошь выпускать никто не запретил. Потому ситуация получилась такая же, как и накануне революции... Как тогда изумительно высказалась, кажется, Мария-Антуанетта... «У них нет хлеба? Так пусть едят пирожные!» Ага...). А где ингредиенты для всего этого доставать? И в результате – несмотря на усердно работающую гильотину и всеобщую нехватку ПРОСТОГО хлеба, всюю расцвел черный рынок и бартер (который натуральный обмен, если кто не помнит...).

Все это, в общем, азы... Я не экономист.

Но и того, что я знал, было достаточно, чтобы понять: ЗАРАБАТЫВАТЬ тут нельзя. Тем более – пытаться зарабатывать производством чего бы то ни было. Кроме военной продукции, конечно... Но кто меня пустит эту продукцию производить?! То есть можно, например, пулю Минье изобрести... Но что я с того буду иметь? Спасибо, может быть, и скажут. Но если я эту пулю принесу в военный Комитет или даже пусть тому же Баррасу – что из этого получится? Обри меня просто выгонит. А Баррас, скорей всего, отправит на экспертизу... К кому-нибудь... И в любом случае мне придется доказывать, что я не верблюд – в смысле доказывать необходимость этого нововведения... А идея настолько проста, что украсть ее – не фиг делать. И украдут обязательно. И останусь я, как это хорошо сформулировал Незнайка у Носова: «С топором вместо штанов!»

То есть: нормально работать здесь нельзя.

Можно только спекулировать.

А вот тут уже начинаются трудности...

2

Замок всеми забыт... и навеки укрыт...

Нет. Не то что-то...

Замок мохом покрыт? Ага: есть на Волге утес – диким мохом порос, блин!..

Замок спит, позабыт... И надежно укрыт... Под плащом из зеленых побегов? Ну... Нет – опять не то чего-то!..

Замок... бу-бу, бу-бу, бу-бу-бу, бу-бу-бу!..

Чего я делаю? Плагиатом занимаюсь. Перевожу Высоцкого на французский. Пятый день уже сижу – мучаюсь... Потому что есть нечего. А тут такая шабашка подвернулась... В общем, довольно случайно получилось. Попал я на посиделки у Тальма в театре... Ну, собрались они там после спектакля. А меня Тальма подвезти пообещал – уж, видимо, сильно я бледно выглядел – ну и затащил подождать немного. А тут – междусобойчик. Ну и пригласили дистрофика подкормиться – актеры народ не жадный. Да, в общем, и не бедный... Ну, ясен пень – к толпе статистов это не относится, но к ведущим – в полной мере. У каждого свой дом, слуги, карета – знаменитые ж люди! У Тальма – особняк шикарный на улице Шантерен с садом, кучей лакеев и приличным «гаражом», в смысле конюшней. Там его жена политический салон держит – ясен перец, не в конюшне, а в особняке – для весьма высоких персон... Что, впрочем, не мешает господам актерам – и актрисам – иногда вот так после работы посидеть в чисто своем кругу.

Просту, без чинов, так сказать... Покаялась за жизнь. А покаялась им, в общем, было о чем.

Ибо для театра Тальма настали трудные времена...

Причем это еще мягко сказано. Театр-то был якобинский. Отколовшийся в начале революции от старого Королевского театра, не желавшего играть для третьего сословия. А Тальма решительно начал ставить пьесы нового репертуара и тем снискал бешеную популярность. Господи боже – чего они там только не играли! Один «Страшный суд над королями» чего стоит! Я ее не видел – ну, Наполеон, конечно, – поскольку в то время геройствовал на юге, но текст читал... Чистая фантастика. Там разыгрывалась ситуация из недалекого победного будущего, когда санкюлоты восторжествовали во всей Европе... Ага... И свезли на некий необитаемый остров – в ссылку – всех своих королей. Включая Екатерину II и Папу Римского. Ну и эта ссыльная братия там на острове вела себя очень не по-королевски: дрались, скандалили, воровали друг у друга... В конце концов в финале все погибли в извержении проснувшегося вулкана... Я когда про эту пьесу узнал – из памяти Наполеона, естественно, – испытал очень сильное ощущение дежавю – как бы на двести лет обратно к себе вперед перенесся: сколько было таких пьес, книг, фильмов... А началось, оказывается, еще вон когда!.. Впрочем, у театра и название было соответствующее: Театр Революции! Публике страшно нравилось... И Конвенту якобинскому тоже. Хотя под конец уже только сверхпопулярность Тальма у народа спасла его от ареста за якобы участие в заговоре против этого самого народа... Оксюморон, блин... А тут и термидор подоспел.

Ну и – пошел откат. В театре сменилась публика... Вместо революционных санкюлотов зрительные залы теперь заполняли те самые мускадены: ну, которые даже картавили специально – только бы букву «эр» не выговаривать... И ходили они в «Театр Эволюции» исключительно, чтобы освистывать этих бывших революционеров. И требовать от них играть пьесы про благородных дворян, королей и священников, а также обязательно про отвратительных и мерзких кровавых террористов – каковым словом, напомним, тогда называли именно якобинцев, получающих в финале по заслугам. Ну а для пущей демонстрации того, кто теперь в доме хозяин, новообразовавшаяся «золотая молодежь» заставляла актеров персонально проявлять патриотизм к новой эпохе. Например, во время спектакля от кого-нибудь требовали исполнить не так давно появившуюся «антимарсельезу» – песню «Пробуждение народа». Даже Тальма этого не избежал. Но ему еще повезло: он просто прочел ее как стихи, стоя у рамп. Да еще сумел сымпровизировать краткую речь, совершенно успокоившую разошедшихся патриотов. После чего продолжил представление. Не такому известному и не столь талантливому актеру Фузиллю пришлось петь ее, стоя на коленях... По причине того, что в якобинские времена Фузиль был не просто артистом, но и деятельным функционером якобинского Конвента. И отличился в подавлении Лионского восстания – так что, пожалуй, он тоже еще легко отделался: лишь выкриками из зала: «Долой убийцу! К черту палача!» А вот вторую по величине после Тальма звезду театра – Дюгазона – едва не закололи прямо на сцене, когда он отказался петь «Пробуждение...» Бывший одно время адъютантом Сантерра – командующего парижской Национальной гвардией (ничего так, да? Вообще парижские актеры очень даже проявили себя во время революции. Не только в Париже лицедействовали – они и на фронт с выступлениями ездили, добровольцами на войну уходили. И политиками были известными – ну вот Колло д'Эрбуа, например, усмиритель Лиона. Так что палец им в рот лучше было не класть... Тот же Тальма, имея жуткую близорукость, еще в самом начале революции стрелялся на дуэли со своим политическим противником...) – и отнюдь не робкого десятка, Дюгазон швырнул в зал парик на крики зрителей. После чего несколько из них с обнаженными шпагами кинулись на сцену, и только вмешательство других актеров предотвратило кровопролитие...

И так практически на всех представлениях – и чем дальше, тем хуже.

Правда, объективности ради стоит отметить, что мускадены были не шибко оригинальны... Ибо точно тем же самым на протяжении нескольких лет перед ними в парижских театрах занимались санкюлоты. Когда требовали играть революционные пьесы. Ну, вот так вот... История, как известно, довольно часто ходит кругами. Набредая на свои же собственные следы...

3

Короче – у актеров Театра Революции возникла немалая проблема...

Им надо было как-то оправдаться перед новой публикой, чтобы банально не прогореть. Да и с властью подружиться тоже. Чтобы иметь крышу от наездов новых патриотов. Прогнуться, в общем...

Вот они и искали способы. Для чего, собственно, тоже и собрались в этот раз... И не Наполеону было их за это осуждать. Ибо сам он после термидора весьма решительно заклеил Робеспьера в официальном письме – именно с целью отмежеваться. Не помогло вот только. Все равно посадили... Знакомое дело, да...

Причем направлений было два. Во-первых, сменить репертуар на более подходящий. С чем, как ни странно, получились нехилые трудности. Поскольку играть то, от чего они ушли из Королевского театра, им было профессионально неважно. А чего-то, что подходило бы к их стилю игры, никто из авторов новой, термидорианской, волны предложить не мог, потому что не умел. Поэтому то, что они сейчас ставили, – по местным меркам не такие уж и плохие вещи – выходило у них ни то ни се и хороших сборов не давало... Во-вторых же... Во-вторых, можно было прогнуться перед новыми хозяевами жизни персонально. И как раз по такому поводу они в этот раз и собрались. Ажно сам господин Тальен устраивал костюмированный бал с элементами театральной постановки для развлечения гостей. Вот туда немалая часть труппы и намылилась. Какие-то сцены из рыцарских времен – Тристан, Изольда, Роланд и тому подобное... Декорации. Костюмы. Роли... И как так получилось – ну это я уже потом сообразил, что с голодухи не рассчитал, сколько я выпить могу, сам не пойму, но встрял я в это обсуждение... Тальма, собака, втравил!.. Я помню, хоть был и пьяный! В общем, как известно: слово за слово, чем-то там по столу... Я и опомниться не успел, как оказалось, что я им обещаю к этим сценкам написать балладу! Из рыцарских времен! Правда, за приличные деньги, к чести господ актеров сказать... Мне бы отказаться! Но пьяному – море по колено! Да еще артистки тут же визжат, умоляют... Уж не знаю, чего им так разохотилось, но насели они все на меня крепко. Даже прима... Все-таки, думаю, здесь без Тальма не обошлось. Гада такого!.. Он ведь знал, что Наполеон пописывает... Согласился, дурак! Вот, теперь корячусь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.